

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направлению подготовки)

Уголовное право и процесс

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Привлечение лица в качестве обвиняемого в системе деятельности по реализации
уголовной ответственности»

Обучающийся

А.И. Крышмарь

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

канд. юрид. наук, доцент, О.Е. Репетева

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Обвиняемый как участник уголовного процесса.....	7
1.1 Теоретические подходы к понятию обвиняемого в уголовном процессе	7
1.2 Правовой статус обвиняемого в уголовном процессе	15
Глава 2 Сущность института привлечения лица в качестве обвиняемого.....	32
2.1 Понятие и сущность обвинения	32
2.2 Значение привлечения в качестве обвиняемого	36
2.3 Основания и условия привлечения лица в качестве обвиняемого ..	40
Глава 3 Порядок формирования уголовно-процессуального статуса обвиняемого	46
3.1 Предъявление, изменение и дополнение обвинения.....	46
3.2 Постановление о привлечении в качестве обвиняемого.....	49
3.3 Допрос обвиняемого	56
Глава 4 Проблемные аспекты привлечения лица в качестве обвиняемого и пути их решения	63
Заключение	74
Список используемой литературы и используемых источников.....	79

Введение

Значимость избранной для исследования проблематики обусловлена фундаментальной ролью института привлечения лица в качестве обвиняемого в системе уголовного судопроизводства. Данное процессуальное действие представляет собой критический момент в уголовном деле, поскольку именно на этом этапе происходит трансформация процессуального статуса лица – наделение его правами и обязанностями обвиняемого. Обоснованность и законность принимаемого решения напрямую влияет на перспективу вынесения справедливого судебного решения.

Правоприменительная практика свидетельствует о существовании комплекса проблем при реализации данного института, обусловленных как пробелами в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, так и правоприменительными ошибками следователей при оформлении соответствующих процессуальных документов.

Среди наиболее острых вопросов – отсутствие консенсуса относительно оснований предъявления обвинения и критериев достаточности собранных доказательств. Кроме того, практика демонстрирует системные проблемы в области обеспечения процессуальных прав обвиняемого.

Указанные обстоятельства подтверждают необходимость дальнейшей научной разработки вопросов привлечения лица в качестве обвиняемого в контексте механизма реализации уголовной ответственности.

Научная ценность настоящего исследования заключается в формировании новых теоретических положений о сущности и процедуре привлечения лица в качестве обвиняемого, а также в выработке конкретных предложений по оптимизации данного процессуального института.

Цель работы состоит в комплексном анализе теоретических и практических аспектов привлечения лица в качестве обвиняемого, выявлении несовершенств нормативной регламентации и правоприменительной деятельности в данной сфере.

Исходная гипотеза исследования заключается в том, что существующие недостатки правовой регламентации института привлечения лица в качестве обвиняемого существенно затрудняют правоприменительную деятельность, создают препятствия для полноценной реализации процессуальных прав обвиняемого, негативно сказываются на соблюдении разумных сроков расследования.

Совершенствование понятийного аппарата и нормативной базы в исследуемой области, включая наделение прокурора полномочиями по исправлению ошибок в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого непосредственно в судебном разбирательстве, позволит преодолеть выявленные проблемы.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

- провести теоретический анализ дефиниции «обвиняемый» как субъекта уголовно-процессуальных отношений;
- исследовать сущностные характеристики института привлечения лица в качестве обвиняемого;
- идентифицировать проблемные аспекты реализации данного института и сформулировать пути их преодоления.

Объектом исследования выступают общественные отношения, формирующиеся в процессе привлечения лица в качестве обвиняемого.

Предметом исследования являются нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие процедуру привлечения лица в качестве обвиняемого, материалы правоприменительной практики и научные разработки по рассматриваемой проблематике.

Методологический фундамент работы составляет диалектический метод научного познания, дополненный общенаучными методами (системно-структурный и комплексный анализ, формально-логический метод) и специально-юридическими методами (сравнительно-правовой, телеологическое и систематическое толкование правовых норм).

Теоретическую основу исследования формируют труды таких ученых-процессуалистов, как Е.А. Балагурова, А.Ф. Бикметова, А.В. Богданова, А.И. Гильманова, С.В. Гришко, М.А. Лаврентьева, Е.А. Мелехова и других авторов.

Нормативную базу исследования составляют положения Конституции Российской Федерации, а также нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ, регулирующие вопросы привлечения лица в качестве обвиняемого.

Научная новизна работы заключается в формировании оригинальных теоретических положений об институте привлечения в качестве обвиняемого и разработке научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию соответствующего законодательства.

На защиту выносятся следующие положения:

- Предлагается дефинировать обвиняемого как лицо, которому на основании достаточной совокупности доказательств предъявлено обвинение в совершении преступления и которое наделяется соответствующим комплексом процессуальных прав и обязанностей.
- Обоснована необходимость принятия Пленумом Верховного Суда РФ постановления «О практике участия переводчиков в уголовном судопроизводстве», в котором должны быть сформулированы критерии привлечения переводчиков, включая: недостаточный уровень знания участником процесса языка судопроизводства для адекватного понимания сути происходящего и правовой ситуации по делу; невозможность восприятия письменных материалов на языке судопроизводства даже при способности понимать устную речь и изъясняться на данном языке.
- В целях предотвращения злоупотребления правом на ознакомление с материалами уголовного дела путем искусственного затягивания этой процедуры предлагается законодательно установить минимальное количество листов материалов дела, подлежащих изучению обвиняемым в течение одного дня.

- Обоснована необходимость дополнить ст. 5 УПК РФ определением понятия «поддержание обвинения»: «поддержание обвинения – процессуальная деятельность обвинителя в суде, направленная на доказывание предъявленного обвинения и опровержение доводов стороны защиты».
- Предлагается концептуализировать привлечение лица в качестве обвиняемого как властное решение должностного лица, осуществляющего расследование, о достаточности доказательственной базы для инкриминирования конкретному лицу совершения определенного общественно опасного деяния через формулирование существа обвинения, включающего описание подлежащих доказыванию обстоятельств и квалификацию содеянного.
- Для обеспечения требования о немедленном допросе обвиняемого после предъявления обвинения в ситуациях, требующих участия переводчика, предлагается дополнить ст. 173 УПК РФ частью 2.1 следующего содержания: «Если обвиняемый заявляет о желании давать показания на другом языке, следователь вправе отложить допрос до назначения переводчика, но не более чем на пять суток».
- Обосновывается целесообразность наделения прокурора, поддерживающего государственное обвинение в суде, правом выносить постановление об устранении ошибок в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого. Параллельно необходимо усилить контроль руководителей следственных органов за качеством постановлений о привлечении в качестве обвиняемого, возможно, через введение процедуры их обязательного согласования по аналогии с обвинительным заключением.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования, и состоит из введения, четырех глав, восьми параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Обвиняемый как участник уголовного процесса

1.1 Теоретические подходы к понятию обвиняемого в уголовном процессе

Доктринальный анализ свидетельствует, что нормативная конструкция ст. 47 УПК РФ не раскрывает сущностных признаков данного процессуального субъекта, ограничиваясь лишь указанием на юридические основания введения лица в соответствующий процессуальный режим. М.М. Коблева справедливо подчеркивает: «большое разнообразие точек зрения на проблему обвиняемого по делам частного обвинения обусловлено тем, что законодателем не решена такая проблема» [17, с. 99]. Отсутствие концептуального осмысления фигуры обвиняемого создает серьезные препятствия для корректного определения объема его правосубъектности, адекватной оценки достаточности предоставленных ему процессуальных возможностей и обоснованности возлагаемых процессуальных обременений.

В теоретико-правовом дискурсе предпринимаются многочисленные попытки сформулировать дефиницию обвиняемого, преодолевающую недостатки нормативного определения. В.Б. Стукалин, проводя компаративный анализ доктринальных подходов, приводит концепцию А.В. Смирнова и К.Б. Калиновского, которые отмечают: «понятие обвиняемого в статье 47 УПК РФ используется в узком, технико-юридическом смысле, когда обвиняемым лицо признается только тогда, когда в отношении него вынесены такие процессуальные документы, как постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительный акт или обвинительное постановление» [51, с. 358]. Соответственно, «при определении понятия обвиняемого нужно исходить из содержательного, а не формального понимания обвинения, учитывая не только официальное уведомление об обвинении, но и иные меры, связанные с подозрением в совершении

преступления, которые влекут серьезные последствия или существенным образом сказываются на положении подозреваемого» [51, с. 358].

Созвучную позицию занимает О.В. Качалова, акцентирующая внимание на том, что «при определении понятия обвиняемого не учитывается направленная против конкретного лица обвинительная деятельность, которая может подтверждаться постановлением о возбуждении уголовного дела, проведением в отношении него следственных действий и иными мерами, предпринимаемыми в целях изобличения человека в совершении преступления. Поскольку такие действия направлены на выявление фактов и обстоятельств, уличающих лицо в совершении преступления, ему должна быть безотлагательно предоставлена возможность обратиться за помощью к адвокату (защитнику). Тем самым обеспечиваются условия, позволяющие этому лицу получить должное представление о своих правах и обязанностях, и о выдвигаемом против него обвинении» [51, с. 358].

Уголовно-процессуальный закон говорит о том, что «обвиняемым признается лицо, в отношении которого: 1) вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого; 2) вынесен обвинительный акт; 3) составлено обвинительное постановление» [54]. То есть, даже если обвинение еще не предъявлено, но соответствующий процессуальный документ вынесен, лицо уже является обвиняемым, поэтому, характеризуя этого участника уголовного процесса, многие исследователи используют именно понятие, сформулированное в законе [48, с. 23].

А.О. Ратникова разделяет этот подход и отмечает, что изученные точки зрения ученых на понятие обвиняемого свидетельствуют, «что хоть этот вопрос и поднимается последовательно несколько лет, и представляется в литературе бесспорным, он еще далек от полного разрешения и нуждается в предстоящих новых исследованиях» [45, с. 235].

С точки зрения А.В. Смирнова и К.Б. Калиновского, как отмечает В.Б. Стукалин, следует предложить понятие обвиняемого в широком и узком смысле. В широком смысле (в международном и конституционном праве)

обвиняемым является «любое лицо, в отношении которого предпринимаются действия инкриминирующего характера» [51, с. 359]. В узком, отраслевом значении, нашедшем отражение в УПК РФ, возникновение процессуального статуса обвиняемого связывается с вынесением специальных процессуальных актов, перечисленных в ч. 1 ст. 47 УПК РФ.

В.Б. Стукалин подвергает критическому анализу обозначенный подход, справедливо указывая на его методологическую некорректность. По его мнению, «вынесение постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, обвинительного акта и обвинительного постановления следует рассматривать как основания возникновения у лица правового статуса обвиняемого. Правовой статус обвиняемого – это определенная совокупность его прав и обязанностей, которые можно рассматривать отдельно от определения самого понятия «обвиняемый», но невозможно отрывать от данного понятия. Будет ли лицо обвиняемым, и будет ли оно обладать указанным правовым статусом, если данное лицо не будет знать о том, что он стал таковым, поскольку ему не объявлен ни один из указанных выше документов» [51, с. 359].

Исходя из ч. 6 ст. 172 УПК РФ, «...обвинение предъявляется в день фактической явки обвиняемого или в день его привода...» [54].

Данное положение закона порождает теоретико-правовую дилемму относительно момента приобретения лицом процессуального статуса обвиняемого. До момента предъявления обвинения субъект может обладать иным процессуальным статусом (например, свидетеля), если ранее был вовлечен в уголовно-процессуальные отношения в соответствующем качестве.

В следственной практике нередки ситуации, когда на первоначальном этапе расследования установление конкретного субъекта преступления представляется затруднительным, что обуславливает необходимость получения показаний от всех лиц, потенциально осведомленных об обстоятельствах расследуемого события. Подобные процессуальные сценарии

типичны для производств о нарушениях специальных правил (охраны труда, техники безопасности, эксплуатации оборудования и т.п.), повлекших общественно опасные последствия, когда следственные органы осуществляют допросы всего персонала соответствующей организации или иных субъектов, вовлеченных в производственный процесс, первоначально наделяя их статусом свидетелей. Последующее всестороннее расследование может привести к формированию совокупности доказательств, изобличающих в совершении преступления именно то лицо, которое первоначально допрашивалось в качестве свидетеля. При этом действующий уголовно-процессуальный закон не предусматривает императивной обязанности следователя предварительно допросить такое лицо в качестве подозреваемого. Следовательно, законодательно допустима трансформация процессуального статуса свидетеля непосредственно в статус обвиняемого посредством предъявления обвинения.

Правоприменительная практика знает и более редкие случаи, когда лицо вообще не обладало каким-либо процессуальным статусом в рамках конкретного уголовного дела, а затем было непосредственно введено в статус обвиняемого. Такие процессуальные ситуации можно охарактеризовать как экстраординарные и вынужденные. Иллюстрацией может служить следующий алгоритм развития уголовного дела: в ходе доследственной проверки сообщения о преступлении от определенного лица было получено объяснение; далее сформирована доказательственная база; при этом местонахождение этого лица не установлено. В подобной ситуации, при наличии достаточной совокупности доказательств, следователь правомочен вынести постановление о привлечении в качестве обвиняемого и инициировать процедуру объявления лица в розыск. Однако наиболее распространенной в правоприменительной деятельности является трансформация процессуального статуса подозреваемого в статус обвиняемого.

В.Б. Стукалин придерживается позиции, согласно которой «обвиняемым должно считаться физическое лицо, которому органами предварительного расследования объявлено о том, что он обвиняется в совершении конкретного преступления, путем ознакомления его с предусмотренными УПК РФ процессуальными документами. Соответственно понятие обвиняемый должно быть отделено от момента вынесения процессуальных документов в отношении конкретного лица, поскольку до ознакомления с содержанием постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого оно имеет правовой статус – подозреваемый» [51, с. 359].

По мнению А.Е. Енина, «анализ традиционных теоретических воззрений по данному вопросу позволяет рассматривать обвиняемого в качестве лица, по отношению к которому собраны достаточные доказательства, подтверждающие его виновность в совершении преступления, на основании которых такое лицо привлекается к уголовной ответственности» [16, с. 256].

Особого внимания заслуживает теоретико-правовая проблема, выявляемая многими исследователями при анализе ч. 2 ст. 47 УПК РФ, которая устанавливает, что «обвиняемый, по уголовному делу которого назначено судебное разбирательство, именуется подсудимым. Обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, именуется осужденным. Обвиняемый, в отношении которого вынесен оправдательный приговор, является оправданным» [54].

Е.А. Мелихова, посвятившая данной проблематике специальное исследование, опирается на легальное определение обвиняемого, но, проведя комплексный анализ различных доктринальных подходов, приходит к выводу, что «проблема, казавшаяся на протяжении нескольких десятилетий стабильной и устоявшейся, не вызывающей споров в литературе, еще далека от своего завершеного решения, требует дальнейших исследований, а главное – более четкой позиции законодателя по многим ее аспектам, прежде всего при установлении соответствия самого понятия обвиняемого презумпции невиновности, конкретности в определении процессуального

статуса лица, в отношении которого подано заявление мировому судье, ясности и определенности при решении вопроса о статусе обвиняемого в выделенном уголовном деле» [22, с. 58].

Необходимо подчеркнуть, что с момента передачи уголовного дела в суд, статус обвиняемого фактически элиминируется из системы уголовно-процессуальных отношений, трансформируясь в статус подсудимого, наделенного соответствующим комплексом процессуальных прав и обязанностей. Данную трансформацию процессуального статуса эксплицитно закрепляет и законодатель: «Обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, именуется осужденным» [54].

Представляется, что данная нормативная конструкция обладает определенными недостатками, поскольку фактически объединяет два различных процессуальных статуса (обвиняемого и подсудимого), указывая, что подсудимый - это обвиняемый при наличии определенных процессуальных условий. При этом логико-юридический анализ показывает, что обвиняемый не может приобрести процессуальный статус осужденного или оправданного, поскольку в стадии судебного разбирательства данный субъект уже обладает статусом подсудимого. Поэтому стоит внести корректировки в формулировку ч. 2 ст. 47 УПК РФ, закрепив, что осужденным (оправданным) признается подсудимый, а не обвиняемый.

В доктрине уголовного процесса отсутствует консенсус относительно признания обвиняемым субъекта при производстве по уголовному делу у мирового судьи. Системный анализ ст. 47 УПК РФ, содержащей легальное определение обвиняемого, позволяет констатировать, что данная процессуальная ситуация не получила надлежащей нормативной регламентации, что порождает необходимость анализа существующих в научной литературе подходов к разрешению этой теоретико-правовой проблемы.

Отдельный блок теоретико-правовых дискуссий сформировался вокруг проблемы определения процессуального статуса лица по уголовным делам

частного обвинения, находящимся в производстве мирового судьи. В научной литературе сформировалось несколько конкурирующих концепций относительно момента приобретения лицом статуса обвиняемого в рамках данной категории уголовных дел.

С точки зрения Ю.В. Свиридовой, обвиняемым лицо по делам частного обвинения становится с того момента, когда в суд направлено заявление от частного обвинителя [49, с. 18]. Есть и позиции о том, что статус обвиняемого лицо в рамках анализируемого производства приобретет тогда, когда заявление будет принято к производству мировым судьей [5, с. 18].

Существует и третий подход, согласно которому «появление обвиняемого и подсудимого по делам частного обвинения происходит одновременно, в тот момент, когда судья назначает судебное заседание, но разъяснение прав обвиняемому происходит раньше, при вручении копии заявления частного обвинителя и ознакомлении с материалами уголовного дела» [8, с. 52].

Однако системный анализ нормативных положений ч. 3 ст. 319 УПК РФ позволяет констатировать, что до начала судебного рассмотрения дела законодатель использует нейтральную терминологическую конструкцию «лицо, в отношении которого подано заявление».

Таким образом, представляется обоснованной позиция, согласно которой в данной категории дел лицо фактически минует стадию обвиняемого: «лицо, против которого подано заявление по делу частного обвинения, признается подсудимым, а признание обвиняемым по делам частного обвинения отсутствует. При этом подсудимым он становится, когда мировой судья разъяснил данному лицу его права как подсудимого, а при его неявке – посредством направления ему копии заявления с письменным разъяснением прав подсудимого» [17, с. 98-99].

Таким образом, привлекаемый к уголовной ответственности субъект первоначально обладает статусом «лица, в отношении которого подано заявление», а после разъяснения ему процессуальных прав непосредственно

приобретает статус подсудимого, минуя промежуточную стадию обвиняемого.

Исходя из проведенного анализа, представляется нецелесообразным поддерживать предложения ряда исследователей о необходимости пересмотра легального определения обвиняемого путем расширения оснований введения лица в данный процессуальный статус.

Критический анализ действующего УПК РФ позволяет констатировать, что в законе отсутствует полноценная дефиниция обвиняемого, поскольку нормативная формулировка ст. 47 УПК РФ ограничивается лишь указанием на основания возникновения соответствующего процессуального статуса. Представляется более корректным предложить следующую законодательную дефиницию: обвиняемый - это лицо, которому на основании достаточной совокупности доказательств, формирующих основания для инкриминирования совершения преступления, предъявлено обвинение, и которое наделяется соответствующим комплексом процессуальных прав и обязанностей.

Такая формулировка позволит преодолеть существующие в научной доктрине разногласия относительно сущностных характеристик данного участника уголовного судопроизводства, поскольку нормативное закрепление правовых дефиниций традиционно оказывает положительное влияние как на развитие теоретической юриспруденции, так и на правоприменительную практику, минимизируя риски дивергентных интерпретаций.

Предлагаемая дефиниция обвиняемого включает три ключевых компонента: процессуальный аспект (предъявление обвинения), материально-правовой аспект (наличие достаточных доказательств) и субъективный аспект (наделение комплексом процессуальных прав и обязанностей), что обеспечивает ее всесторонний и системный характер.

1.2 Правовой статус обвиняемого в уголовном процессе

Исключительное положение обвиняемого в системе уголовно-процессуальных отношений и необходимость формирования дополнительных механизмов защиты его законных интересов неоднократно подчеркивались в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации. Как справедливо отмечается в научной литературе, «эти гарантии содержатся в положениях уголовно-процессуального законодательства, которые определяют статус обвиняемого и имеют преимущество перед нормами, которые регулируют общие правила» [7, с. 6].

В уголовно-процессуальной доктрине сформировались различные подходы к систематизации прав и обязанностей обвиняемого, однако наиболее фундаментальной представляется классификация, основанная на иерархическом уровне нормативно-правовых актов, регламентирующих соответствующие элементы процессуального статуса. В рамках данной классификации выделяются права и обязанности, закрепленные в:

- международно-правовых актах;
- Конституции Российской Федерации [18];
- Уголовно-процессуальном кодексе РФ.

Первый блок процессуальных прав имеет наднациональную природу, закреплен в международно-правовых документах и является обязательным для государств-участников соответствующих международных соглашений. Сюда относятся фундаментальные права и свободы личности, а также международные стандарты обращения с лицами, подвергнутыми уголовному преследованию.

Второй блок процессуальных прав имеет конституционно-правовую природу и включает основополагающие права и свободы, гарантированные Основным законом государства: право на неприкосновенность личности, презумпция невиновности, право на судебную защиту и другие

конституционные гарантии прав личности в сфере уголовного судопроизводства.

Третий блок процессуальных прав имеет отраслевую природу и представлен правами, непосредственно регламентированными УПК РФ как базовым нормативно-правовым актом, регулирующим уголовно-процессуальные отношения, включая процессуальный статус обвиняемого.

Процессуальный статус обвиняемого представляет собой системное единство его прав и корреспондирующих им обязанностей, формирующих его процессуальное положение в уголовном судопроизводстве.

Анализ комплекса процессуальных прав обвиняемого свидетельствует об их значительном объеме и разнообразии, что обусловлено необходимостью обеспечения эффективной защиты лица от предъявленного обвинения.

Одним из ключевых правомочий является то, что «обвиняемый имеет право на получение копий различных процессуальных документов, в частности, постановления о привлечении в качестве обвиняемого, итогового документа по делу (обвинительного заключения либо акта). Это право дает возможность лицу, привлекаемому в качестве обвиняемого по уголовному делу, точно знать, в чем он обвиняется, каким образом квалифицированы его действия, какие имеются по делу доказательства его вины. Такие знания дают возможность правильно выстроить защиту, а право на защиту – необходимое право обвиняемого» [8, с. 54].

В систему процессуальных прав обвиняемого также входит право «возражать против предъявленного обвинения, давать показания по обвинению либо отказаться от дачи показаний. При согласии обвиняемого дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и при его последующем отказе от этих показаний, за исключением случая, предусмотренного пунктом 1 части второй статьи 75 настоящего Кодекса» [54].

Важно подчеркнуть, что «принуждение подозреваемого, обвиняемого, осужденного, оправданного, потерпевшего или свидетеля к даче показаний либо эксперта или специалиста к даче заключения или показаний путем применения угроз, шантажа или иных незаконных действий со стороны следователя, лица, производящего дознание, или иного сотрудника правоохранительного органа, а равно другого лица с ведома или молчаливого согласия следователя, лица, производящего дознание, или иного сотрудника правоохранительного органа» [54] запрещены. Обвиняемый не несет уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или предоставление недостоверной информации, поскольку данные действия рассматриваются как легитимные способы реализации функции защиты.

Необходимо отметить, что законодатель, предоставив обвиняемому право представления доказательств, не наделил его правом их самостоятельного собирания. Тем не менее, если обвиняемый заявляет о наличии у него доказательств, подтверждающих его позицию по делу (например, сведений, подтверждающих алиби), такие доказательства подлежат обязательному приобщению к материалам уголовного дела в установленном законом порядке.

В качестве иллюстрации можно привести следующий пример из следственно-судебной практики: по уголовному делу о разбойном нападении на потерпевшего Т. обвиняемый Ч. утверждал, что в момент совершения преступления находился в кинотеатре, просматривая фильм, и готов предоставить в подтверждение этого факта билет на киносеанс. Следователь процессуально корректно изъясил данный билет и приобщил его к материалам уголовного дела. Однако в ходе дальнейшего расследования было достоверно установлено, что фактически киносеанс посещал не сам обвиняемый Ч., а его брат, а виновность Ч. в инкриминируемом разбойном нападении была подтверждена совокупностью иных доказательств [39]. Данный процессуальный казус демонстрирует практическую реализацию права обвиняемого на представление документов, подтверждающих его

процессуальную позицию, даже если впоследствии достоверность этих доказательств может быть опровергнута в установленном законом порядке.

Комплекс процессуальных прав обвиняемого: теоретико-правовые аспекты и проблемы реализации.

В систему процессуальных прав обвиняемого включено право заявлять ходатайства и отводы, которое активно используется данными участниками уголовного судопроизводства для обеспечения эффективной защиты от предъявленного обвинения. Практика показывает разнообразие заявляемых ходатайств: о приобщении к уголовному делу положительных характеристик личности, медицинской документации о состоянии здоровья, о производстве дополнительных следственных действий, направленных на установление обстоятельств, имеющих значение для защиты.

Показателен пример из правоприменительной практики: обвиняемый Г., которому инкриминировалось умышленное причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего А., заявил ходатайство о допросе свидетеля Н., способного подтвердить факт оказания Г. первой помощи потерпевшему непосредственно после причинения телесных повреждений, что свидетельствует о наличии смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ [38].

Существенным элементом процессуального статуса обвиняемого является право давать показания на родном языке или языке, которым он свободно владеет, а также пользоваться помощью переводчика. Однако практическая реализация данного права сопряжена с определенными затруднениями, обусловленными отсутствием четких нормативных критериев, определяющих основания для предоставления обвиняемому переводчика.

Для более глубокого понимания проблематики целесообразно проанализировать правоприменительную практику в данной сфере. Показательным является пример процессуально корректного подхода органа расследования по уголовному делу в отношении гражданина В., обвиняемого

в совершении разбойного нападения. Будучи иностранным гражданином, В. обладал определенными навыками владения русским языком на бытовом уровне - понимал устную речь и мог изъясняться, однако испытывал затруднения при восприятии письменных текстов на русском языке, о чем уведомил следователя. Руководствуясь принципом обеспечения права на защиту, следователь принял решение о привлечении переводчика для участия в уголовном деле с целью обеспечения перевода процессуальных документов на родной язык В., а также для участия в следственных действиях для исключения потенциальных сомнений в адекватном понимании обвиняемым передаваемой ему информации [41].

Противоположным примером, иллюстрирующим нарушение языковых прав обвиняемого, является уголовное дело в отношении гражданина Б., привлекаемого к уголовной ответственности за грабеж, совершенный с применением насилия. В ходе досудебного производства Б. не был обеспечен помощью переводчика, поскольку утверждал о наличии у него навыков владения русским языком - способности изъясняться, воспринимать устную речь, читать и писать. Однако в судебном заседании Б. заявил, что фактически владеет русским языком лишь частично: понимает устную речь и может изъясняться, но не обладает навыками чтения на русском языке. Вследствие этого он не смог самостоятельно ознакомиться с ключевыми процессуальными документами - постановлением о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительным заключением, а также с материалами уголовного дела при ознакомлении в порядке ст. 217 УПК РФ [53].

Б. также сообщил суду, что в ходе предварительного расследования обращался к следователю с просьбой о предоставлении переводчика, однако получил отказ с мотивировкой, что такой необходимости не усматривается, поскольку обвиняемый понимает устную речь, полностью признает вину, а привлечение переводчика лишь увеличит сроки расследования. Исследовав обстоятельства дела, суд пришел к выводу о необходимости обеспечения Б. помощью переводчика и привлек соответствующего специалиста к участию в

судебном разбирательстве, тем самым восстановив процессуальные права обвиняемого [40].

В аналогичной процессуальной ситуации суд также признал необходимость предоставления переводчика обвиняемому А., права которого были нарушены на стадии предварительного расследования отсутствием языкового посредника. «Уголовное дело было возвращено прокурору судом, а прокурор уголовное дело возвратил для дополнительного расследования, по итогам которого, после предоставления переводчика А. и обеспечения его прав, уголовное дело было вновь направлено в суд, в отношении А. вынесен обвинительный приговор, его права были в полной мере соблюдены» [35].

В уголовно-процессуальной доктрине отсутствует единая позиция относительно того, должно ли безусловно обеспечиваться право обвиняемого на коммуникацию на родном языке или языке, которым он свободно владеет, а также на обязательное предоставление переводчика по ходатайству обвиняемого. В настоящее время сформировались две конкурирующие концепции по данному вопросу.

Сторонники первой концепции исходят из того, что ходатайство о предоставлении переводчика, особенно если оно исходит от подозреваемого или обвиняемого, не может быть отклонено, поскольку первостепенное значение имеет обеспечение возможности полноценной реализации указанными участниками своих процессуальных прав и осуществления защиты всеми не запрещенными законом способами. Так, В.Б. Пимонов отстаивает позицию, согласно которой отказ в удовлетворении такого ходатайства представляет собой нарушение фундаментальных прав участников уголовного процесса, поскольку право на свободный выбор языка общения представляет собой «безусловное и неоспоримое право каждого жителя России» [30, с. 31-32].

Данная концепция опирается на принцип максимального обеспечения права на защиту и исходит из презумпции добросовестности участников уголовного судопроизводства при заявлении ходатайств о предоставлении

переводчика. Её сильной стороной является минимизация рисков нарушения процессуальных прав обвиняемых, не в полной мере владеющих языком судопроизводства. В то же время, данный подход потенциально может создавать возможности для злоупотребления процессуальными правами в целях необоснованного затягивания сроков уголовного судопроизводства.

Второй концептуальный подход основывается на необходимости объективной оценки уровня владения языком судопроизводства и наличия реальной потребности в услугах переводчика. При этом предполагается, что решение о предоставлении переводчика должно приниматься не формально, а с учетом конкретных обстоятельств, свидетельствующих о действительных языковых затруднениях участника процесса.

Представляется, что оптимальным решением данной проблемы является выработка четких нормативных критериев для определения оснований привлечения переводчика к участию в уголовном судопроизводстве. В качестве таких критериев могут выступать: недостаточный уровень владения языком судопроизводства для полноценного понимания сущности уголовного процесса; невозможность адекватного восприятия письменной речи на языке судопроизводства даже при способности понимать устную речь и изъясняться; объективные трудности в формулировании собственной позиции на языке судопроизводства.

Системная реализация права обвиняемого пользоваться родным языком и помощью переводчика является неотъемлемым элементом обеспечения справедливого судопроизводства и эффективной защиты от предъявленного обвинения, что предполагает необходимость дальнейшего совершенствования механизмов реализации данного процессуального права.

Есть мнение о целесообразности предоставления переводчика только в том случае, когда имеются для этого необходимые основания. Если же таких оснований нет, то следует рассматривать требования лица о предоставлении ему переводчика как злоупотребление правами, и в такой ситуации удовлетворять ходатайство нецелесообразно. Сейчас «существует два случая,

согласно которым можно привлечь переводчиков: 1) случай, в котором язык процессов судопроизводства является преимущественно русским, а в уголовном процессе принимает участие лицо, не владеющее либо в недостаточной мере владеющее данным языком; 2) случай, в котором язык процессов судопроизводства является государственным языком республики, входящей в состав Российской Федерации, а в уголовном процессе принимает участие лицо, не владеющее языком, на котором ведется уголовное судопроизводство, но при этом, свободно владеющее русским или другим языком» [10, с. 136].

На наш взгляд, более обоснованной является вторая позиция – необходимо обеспечивать реализацию исключительно тех прав, которые действительно принадлежат лицу при наличии фактической потребности. Поскольку участник, владеющий языком уголовного судопроизводства, объективно не нуждается в услугах переводчика, соответствующее право у него не возникает, и, следовательно, не может быть нарушено в случае отказа в удовлетворении необоснованного ходатайства, направленного на злоупотребление процессуальными правами.

Изучение правоприменительной практики позволяет заключить, что следственные органы и судебные инстанции придерживаются именно этой концепции. В качестве иллюстрации можно привести конкретный случай. Гражданка Ц., обвиняемая в получении взятки, в процессе расследования заявила о недостаточном владении русским языком и необходимости предоставления ей переводчика. Однако следователь отклонил данное ходатайство. В обоснование принятого решения было указано на отсутствие оснований доверять утверждениям Ц. о невладении русским языком. Фактически с момента рождения Ц. проживала на территории Российской Федерации, ее заявления о владении исключительно казахским языком (родным) опровергались тем, что образование она получала в русскоязычной школе, затем – в высшем учебном заведении, занимала должность, требующую обязательного владения русским языком. Она коммуницировала

на русском языке с коллегами, составляла документацию, в связи с чем действия Ц. квалифицировались как попытка злоупотребления правом.

Аналогичная проблематика стала предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ, который дал разъяснение, что отказ в удовлетворении ходатайства о предоставлении переводчика не может рассматриваться как нарушение конституционного права, если имеются основания полагать, что в действительности заявитель владеет языком уголовного судопроизводства.

Данная правовая позиция Конституционного Суда РФ нашла отражение и в последующей судебной практике. Так, например, гражданину Б., привлеченному к уголовной ответственности за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, было отказано в удовлетворении ходатайства о предоставлении переводчика. Суд указал на отсутствие оснований полагать, что Б. не обладает необходимыми знаниями русского языка, поскольку он проживает в Российской Федерации 12 лет, работал в государственном учреждении, ранее привлекался к уголовной ответственности и не ходатайствовал о предоставлении переводчика, утверждая о полном владении русским языком. Материалы уголовного дела также свидетельствовали о владении Б. русским языком – он давал показания на русском языке, собственноручно заполнял процессуальные документы, включая само ходатайство о предоставлении переводчика [34].

Вышеизложенное свидетельствует о формировании достаточно сложной двойственной ситуации, сущность которой заключается в следующем.

С одной стороны, нередко в уголовное судопроизводство вовлекаются лица, недостаточно владеющие языком процесса, неспособные в полной мере реализовать свои процессуальные права. Такая возможность должна быть гарантирована. С другой стороны, актуальность приобретает необходимость исключения любых злоупотреблений этим правом и противодействия расследованию. Требуется предотвращать ситуации, когда участники

процесса ходатайствуют о предоставлении переводчика, осознавая, что это затянет сроки расследования и повлечет дополнительные финансовые затраты на производство по уголовному делу как в досудебной стадии, так и в ходе судебного разбирательства.

Бесспорно, обеспечение прав обвиняемых является приоритетной задачей следственных органов и судов. Участникам процесса должна быть предоставлена возможность защищаться от подозрений и обвинений, что, несомненно, невозможно при отсутствии понимания сути подозрения или обвинения, инкриминируемых деяний, обстоятельств совершения преступления, указанных в процессуальных документах. Поэтому лицам, не владеющим в достаточной мере языком уголовного судопроизводства, обязательно должна быть обеспечена возможность реализации предоставленных прав, включая помощь переводчика. Несоблюдение данного права квалифицируется как существенное процессуальное нарушение. Следовательно, при наличии малейших сомнений в степени владения языком, участнику процесса должна быть обеспечена помощь переводчика. Именно поэтому в настоящее время особую актуальность приобретает проблема определения критериев, на основании которых устанавливается необходимость предоставления переводчика.

При возникновении сомнений относительно владения обвиняемым языком судопроизводства, несмотря на его утверждения о достаточном владении и отсутствии потребности в услугах переводчика, данное обстоятельство подлежит проверке. Представляется целесообразным предложить следующий алгоритм действий субъектов уголовного процесса для определения реальной потребности обвиняемого в услугах переводчика.

В первую очередь, необходимо выяснить источник знаний языка уголовного судопроизводства у иностранного гражданина. Как правило, при действительном наличии соответствующих знаний могут быть получены следующие ответы:

- длительное проживание на территории Российской Федерации;

- изучение русского языка в образовательных учреждениях различного уровня;
- профессиональная деятельность, требующая владения русским языком;
- проживание в русскоязычной семье.

Указанный перечень вариантов ответов не является исчерпывающим, однако, согласно правоприменительной практике, именно они наиболее характерны для ситуаций, когда лицо действительно владеет языком уголовного судопроизводства.

Дополнительно необходимо установить способность лица воспринимать письменную речь на языке судопроизводства. Для этого целесообразно предложить:

- прочитав текст на русском языке с последующим изложением его содержания;
- самостоятельно написать текст на языке судопроизводства и под диктовку следователя.

Полагаем, что применение предложенных рекомендаций для проверки степени владения участником уголовного судопроизводства языком, на котором ведется производство по делу, позволит предотвратить как нарушения прав указанных лиц, так и злоупотребления процессуальными правами.

Еще одним фундаментальным правом обвиняемого является право пользоваться помощью защитника, закрепленное как в российском, так и в зарубежном законодательстве [66, с. 49]. Оно рассматривается в качестве одного из важнейших прав, поскольку данному участнику уголовного процесса должна быть гарантирована возможность получения квалифицированной юридической помощи [65, с. 52]. В определенных законодательством случаях участие защитника в уголовном деле является обязательным. В частности, это относится к привлечению к ответственности несовершеннолетних лиц.

Право на помощь защитника гарантируется обвиняемому посредством обеспечения возможности согласно п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ «иметь свидания с защитником наедине и конфиденциально, в том числе до первого допроса обвиняемого, без ограничения их числа и продолжительности» [54].

Наряду с этим, обвиняемому предоставляется право «участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству, ходатайству его защитника либо законного представителя» [54], изучать протоколы данных процессуальных действий и вносить свои замечания. Данное правомочие представляет собой один из механизмов реализации фундаментального права на защиту. При этом обеспечение права обвиняемого на защиту сопряжено с многочисленными проблемами, находящимися в фокусе научного внимания. «Необеспечение права на защиту Верховным судом признается довольно серьезным нарушением. Также нарушением является и несоблюдение принципа свободного выбора адвоката. На практике имеют место такие случаи, когда приглашается другой адвокат, вместо выбранного подсудимым» [44, с. 4].

Процессуальный закон наделяет обвиняемого правом знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы, формулировать вопросы эксперту и изучать экспертное заключение. Это существенное правомочие позволяет обвиняемому формировать защитную стратегию, поэтому должна быть гарантирована возможность его полноценной реализации без формального подхода. Рассматриваемое право подразумевает возможность обвиняемого предлагать альтернативные формулировки вопросов, поставленных перед экспертом, либо постановку дополнительных вопросов. К примеру, если по уголовному делу о причинении вреда здоровью или смерти защита отстаивает версию о получении потерпевшим телесных повреждений вследствие собственной неосторожности - при падении с высоты собственного роста, а следователь в постановлении о назначении судебно-медицинской экспертизы не формулирует вопрос, ответ на который способствовал бы проверке данной версии, обвиняемый вправе ходатайствовать о включении

этого вопроса в экспертное задание. Также данное право предполагает возможность предоставления дополнительных объектов для экспертного исследования и др. Соответственно, реализация этого правомочия возможна исключительно до начала производства судебной экспертизы. По завершении предварительного расследования обвиняемому предоставляется возможность ознакомления с материалами уголовного дела в полном объеме. Законодатель предоставляет здесь полную свободу действий [61, с. 37].

С одной стороны, очевидно стремление законодателя обеспечить лицу, подвергающемуся уголовному преследованию, возможность всестороннего изучения доказательственной базы, сформированной в отношении него, включая оценку законности процедуры получения доказательств. Данный подход в определенной степени уравнивает процессуальные возможности сторон обвинения и защиты, обеспечивая принцип состязательности. С другой стороны, такой подход создает условия для злоупотребления обвиняемым своим правом при намерении искусственно продлить срок ознакомления с материалами уголовного дела. Мотивацией к затягиванию досудебного производства может служить, например, ожидание амнистии или истечения срока давности. Следовательно, необходима разумная регламентация данного права. Представляется целесообразным нормативно закрепить минимальный объем материалов дела, с которым обвиняемый должен ежедневно знакомиться. Несоблюдение данного требования должно квалифицироваться как злоупотребление правом.

Обвиняемый наделен правом «приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа в порядке» [54] и участвовать в их судебном рассмотрении. Жалобы являются одним из ключевых инструментов реализации защиты интересов обвиняемого [62, с. 19].

В статье 47 УПК РФ также закреплён обширный комплекс прав, предоставленных обвиняемому в рамках судебного разбирательства по

уголовному делу. Например:

- «представлять доказательства;
- заявлять ходатайства и отводы;
- давать показания и объясняться на родном языке или языке, которым он владеет;
- пользоваться помощью переводчика бесплатно;
- пользоваться помощью защитника, в том числе бесплатно в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом;
- иметь свидания с защитником наедине и конфиденциально, в том числе до первого допроса обвиняемого, без ограничения их числа и продолжительности. Свидания обвиняемого, содержащегося под стражей в следственном изоляторе, с защитником могут проводиться по заявлению обвиняемого с согласия защитника путем использования систем видео-конференц-связи при наличии технической возможности и соответствующих помещений, а также при условии соблюдения конфиденциальности таких свиданий и сохранения адвокатской тайны» [53].

Однако представляется, что в данном случае речь идет преимущественно о правах подсудимого, а не о правах обвиняемого, поэтому было бы методологически корректнее перенести их из ст. 47 УПК РФ в нормы, регламентирующие правовой статус подсудимых и осужденных лиц.

УПК также закрепляет обязанности обвиняемого и определенные запреты для него:

- обязанность явки к следователю;
- обязанность выполнения иных законных требований (например, предъявляемых в силу избрания в отношении него той или иной меры пресечения);
- запрет на воспрепятствование расследованию, угрозы участникам уголовного судопроизводства, занятия преступной деятельностью.

Следует согласиться с позицией исследователей, полагающих, что

распределение прав и обязанностей обвиняемого по различным нормам, а зачастую и по разным нормативно-правовым актам, препятствует полноценной реализации его процессуального статуса в уголовном судопроизводстве. А.Е. Енин отмечает, что «реализация особых юридических процедур в форме предъявления обвинения (постановление о привлечении в качестве обвиняемого, составление обвинительного акта либо обвинительного заключения) само по себе опирается на оценку фактического состояния лица, как преследуемого в порядке норм УПК РФ. Другое дело, что представление об этом фактическом состоянии может быть расширено до понимания лица, в отношении которого ведется доследственная проверка в порядке ст. 144 УПК РФ, так и лица, в отношении которого началось уголовное преследование. Но эта гипотеза требует дополнительного обоснования, предпосылки для которой уже имеются в законе» [16, с. 257].

Представляется целесообразным законодательный отказ от использования термина «иные права» с включением исчерпывающего перечня правомочий в ст. 47 УПК РФ.

УПК РФ в качестве одного из назначений уголовного судопроизводства определяет «защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод» [54], ведь обеспечение прав обвиняемого является непосредственной реализацией назначения уголовного судопроизводства, поскольку одна из его первостепенных задач – защита личности от необоснованного обвинения, а назначение фактически выступает синонимом цели. «По мнению других ученых, термин «назначение» помимо цели включает в себя также и задачи» [1, с. 33].

Сложно оспаривать данную точку зрения – действительно, обвиняемый находится в зоне повышенного риска нарушения его прав, вынужденно защищаясь от предъявляемых обвинений, особенно необоснованных.

Органы расследования, будучи обязанными устанавливать объективную истину по делу, должны обеспечивать защиту каждого от необоснованного обвинения.

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что законодательная дефиниция обвиняемого сформулирована через основания наделения соответствующим статусом. Такой подход представляется методологически некорректным, требуется пересмотр формулировок рассматриваемых понятий. Представляется необходимым консолидировать весь объем прав обвиняемого в едином нормативном положении (в ст. 47 УПК РФ). Механизм обеспечения прав обвиняемого в уголовном судопроизводстве представляет собой систему взаимосвязанных элементов, включающую уголовно-процессуальные гарантии, уголовно-процессуальную форму и субъектов обеспечения прав подозреваемого.

Существует потребность в совершенствовании уголовно-процессуального законодательства в части регламентации прав обвиняемого.

Так, обвиняемые, не владеющие или недостаточно владеющие языком уголовного судопроизводства, вправе использовать иной язык (родной или которым владеют в достаточной степени), а также пользоваться помощью переводчика. Обеспечение реализации указанных прав возлагается на компетентных субъектов уголовного процесса.

Одновременно необходимо исключать возможность злоупотребления этими правами, когда лица, заявляющие о невладеении языком судопроизводства, фактически предоставляют следственным органам и суду недостоверные сведения с целью противодействия правосудию и создания искусственных процессуальных препятствий. Отсутствие четких критериев для определения ситуаций, в которых участник процесса действительно нуждается в помощи переводчика, порождает сложности в правоприменительной практике и приводит к разноплановым подходам в решении данного вопроса, что противоречит принципу справедливости. Следовательно, существует необходимость не только в разработке таких критериев (подобные попытки предпринимались неоднократно), но и в их нормативном закреплении (законодательно либо, что предпочтительнее, в разъяснениях высшей судебной инстанции).

В связи с этим представляется целесообразным принятие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике участия переводчиков в уголовном судопроизводстве». В данном постановлении должны быть сформулированы критерии (основания) привлечения переводчиков к участию в уголовном процессе, к числу которых предлагается отнести следующие:

- недостаточность уровня знаний у участника уголовного процесса языка, на котором ведется производство по делу, для понимания сущности уголовного судопроизводства и складывающейся правовой ситуации по делу;
- невозможность восприятия письменной речи на языке уголовного судопроизводства, даже если лицо способно изъясняться на этом языке и понимать устную речь.

Также в указанном постановлении целесообразно закрепить алгоритм проверки степени владения участником процесса языком уголовного судопроизводства, предполагающий:

- выяснение источника знаний языка;
- предложение лицу прочитать текст на языке уголовного судопроизводства с последующим изложением его содержания, а также написать текст на данном языке.

Для предотвращения злоупотребления правом ознакомления с материалами уголовного дела путем искусственного затягивания этого процесса необходимо законодательно определить минимальное количество листов, подлежащих ознакомлению обвиняемым в течение одного дня.

Полагаем методологически некорректным закрепление в ст. 47 УПК РФ среди прав обвиняемого тех правомочий, которые реализуются на судебных стадиях уголовного судопроизводства.

Эти права являются правами подсудимого и осужденного, поэтому они должны быть перенесены в соответствующие нормативные положения.

Глава 2 Сущность института привлечения лица в качестве обвиняемого

2.1 Понятие и сущность обвинения

В уголовном судопроизводстве обвинение играет ключевую роль. Предполагаем, что осознание важности данной правовой дефиниции побудило законодателя закрепить понятие обвинения в пункте 22 статьи 5 УПК РФ, где оно определено как «утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном настоящим Кодексом» [54].

Полагаем, что исследовать научную мысль по этому вопросу следует в исторической ретроспективе, обратившись к позициям ученых различных периодов.

Так, если характеризовать рассматриваемую проблему в дореволюционный период развития российского государства, можно отметить, что существовало два подхода к определению обвинения.

Первый подход основывался на отождествлении обвинения и виновности лица, поскольку суд лишь узаконивал вину путем вынесения соответствующего судебного решения. Этого подхода придерживались сторонники позитивной концепции права, возможности ошибочного установления виновности лица в ходе досудебного производства они считали маловероятными, поэтому считалось, что обвинение – это прерогатива органов досудебного производства, а суд лишь выполняет роль его официального оформления.

В соответствии со вторым подходом обвинение рассматривалось в качестве своеобразного иска государства, содержащего требование о привлечении совершившего преступление лица к уголовной ответственности, рассматриваемого судом с позиции доказанности. Эта концепция получила название «теория уголовного иска».

В советский период развития уголовно-процессуального законодательства преобладала точка зрения, выстроенная на позитивистском дореволюционном подходе, что можно объяснить господством материалистического типа правопонимания, при этом считалось, что уголовная ответственность возникала с момента совершения преступления.

Сейчас, как можно увидеть из легального определения обвинения, фактически присутствуют черты того же подхода, термин «обвинение» имеет негативную смысловую окраску, однако некоторыми исследователями отмечается, что подобный подход вступает в противоречие с положениями ст. 49 Конституции Российской Федерации [18], а также положениями ст. 14 УПК РФ, закрепляющим принцип презумпции невиновности, который выражается в ряде аспектов: «Обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения. Все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном настоящим Кодексом, толкуются в пользу обвиняемого. Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях» [54]. Этим обуславливается зарождение интереса к теории понимания обвинения как «уголовного иска».

В доктрине выделяются следующие «виды обвинения в российском уголовном судопроизводстве:

- публичное обвинение: форма уголовного преследования по делам, возбуждаемым уполномоченными уголовно-процессуальным законом государственными органами (согласие потерпевшего при этом не требуется), которые не подлежат безусловному прекращению в случае примирения потерпевшего с обвиняемым;

- частно-публичное обвинение: форма уголовного преследования по делам, которые возбуждаются по заявлению потерпевшего или его представителя, и не подлежат безусловному прекращению в случае примирения потерпевшего с обвиняемым или отказа потерпевшего (его представителя) от заявления;
- частное обвинение: форма уголовного преследования по делам, которые возбуждаются по заявлению потерпевшего или его представителя, и подлежат прекращению в случае примирения потерпевшего с обвиняемым или отказа потерпевшего (его представителя) от заявления» [31, с. 393-394].

Следует учитывать различия в субъектах поддержания обвинения. Так, по делам публичного и частно-публичного обвинения в суде обвинение поддерживает государственный обвинитель (прокурор), а по делам частного обвинения – частный обвинитель (потерпевший, его представитель).

Формы обвинения разделяют «в зависимости от внешнего выражения в правоприменительном акте, завершающем производство предварительного расследования:

- обвинение, содержащееся в обвинительном заключении;
- обвинение, содержащееся в обвинительном акте;
- обвинение, содержащееся в обвинительном постановлении» [31, с. 394].

Также некоторые исследователи предлагают выделять формы обвинения применительно к поддержанию его в суде, например, М.Е. Прокопенко и А.А. Озерная сосредоточили внимание именно на анализе государственного обвинения [43, с. 268-269].

С этой позиции, как считает А.И. Погомий, «существуют следующие формы обвинения:

- государственное обвинение при рассмотрении уголовных дел в общем порядке судебного разбирательства;

- государственное обвинение при рассмотрении уголовных дел в особом порядке судебного разбирательства;
- государственное обвинение при рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей» [31, с. 395].

Предложившая такую классификацию А.И. Погосий предлагает определить обвинение в российском уголовном процессе как «особое публичное утверждение государства (или частного лица) о существовании уголовного правоотношения между государством и лицом, обвиняемым в совершении запрещенных уголовным законом деяний, выраженное в соответствующих правоприменительных актах со стороны уполномоченных на то должностных лиц (или частных лиц), которое представляется суду и нацелено на признание его судом в качестве правильного и отражение этого в судебном акте – приговоре, но требует обоснования в судебном разбирательстве в установленном уголовно-процессуальным законодательством порядке, в условиях состязательности и равноправия сторон судопроизводства» [31, с. 395-396].

Представляется, что несмотря на достаточно сложную и подробную характеристику содержания обвинения, выраженную в предложенном понятии, оно не позволяет в полной мере уяснить, что же представляет собой обвинение как правовая категория.

В современной научной литературе обвинение принято рассматривать в качестве процессуальной деятельности, несмотря на то, что из остальных норм УПК РФ не просматривается отождествления обвинения и уголовного преследования. И это и порождает многочисленные споры среди исследователей о соотношении рассматриваемых терминов.

Представляется, что данная проблема должна быть разрешена путем законодательного разграничения обвинения на две составляющие, рассмотрение его в двух аспектах, с нашей точки зрения, позволит более полно уяснить сущность исследуемой правовой категории.

Прежде всего, обвинение представляет собой утверждение о виновности обвиняемого, оно может быть зафиксировано в различных процессуальных актах в зависимости от формы расследования, но всегда подтверждается совокупностью собранных по делу доказательств.

Как отдельную составляющую надлежит рассматривать поддержание обвинения, что представляет собой процесс, действие, функцию.

Такой подход, по нашему мнению, позволит более полно уяснить, что представляет собой обвинение, поэтому в УПК РФ следовало бы закрепить два отдельных понятия – обвинения и поддержания обвинения, это даст возможность правоприменителю более четко их разграничивать и понимать содержание каждого из этих терминов.

2.2 Значение привлечения в качестве обвиняемого

Привлечение в качестве обвиняемого в научной литературе определяется различно. Так, с точки зрения С.В. Гришко, под привлечением в качестве обвиняемого следует понимать выдвижение обвинения [15, с. 149] Безусловно, привлечение в качестве обвиняемого является сложным процессуальным действием [52, с. 37].

Анализ приведенных определений позволяет утверждать, что в них содержится отражение некоторых существенных моментов [56, с. 81]. Фактически, на момент предъявления обвинения орган предварительного расследования утверждает о доказанности совершения конкретного уголовно-наказуемого деяния определенным лицом [57, с. 72].

В отдельных трудах говорится о том, что обвинение – это институт, который «связан с деятельностью участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения» [60, с. 169], направлен он на изобличение лица.

До того, как вынесено рассматриваемое постановление и лицо получило статус обвиняемого, защита реализуется в «усеченном» виде – лишь от подозрения, которое не позволяет зачастую с уверенностью утверждать о том,

какое именно обвинение будет предъявлено, о квалификации содеянного. Фактически, предъявление обвинения порождает и право на защиту от него, поскольку обвиняемый «активно защищается от предъявленного ему обвинения, стремится опровергнуть его или же смягчить» [21, с. 157].

В то же время право на защиту в полной мере распространяется и на подозреваемого, что подтверждается наличием нескольких оснований для участия защитника в уголовном деле еще до приобретения лицом статуса обвиняемого.

С одной стороны, данную точку зрения можно считать обоснованной. Однако именно на этапе привлечения в качестве обвиняемого виновное лицо нередко впервые выражает желание воспользоваться помощью защитника, таким образом, значение привлечения в качестве обвиняемого как момента возникновения права у лица пригласить защитника, сомнений не вызывает. При этом обвиняемый четко понимает, в чем он обвиняется, что позволяет ему грамотно выстроить свою защиту. Кроме того, «обвиняемый получает возможность знать об инкриминируемом ему деянии не в виде неопределенного подозрения, а в виде четко сформулированного обвинения, возражать против него, давать показания по предъявленному ему обвинению» [13, с. 154].

Таким образом, значение постановления о привлечении в качестве обвиняемого велико для каждой стороны по делу и всего судопроизводства [52, с. 38]. Но, достаточно критично оценивает значение постановления о привлечении в качестве обвиняемого М.Р. Омарова, выдвигая контраргументы сторонников важности данного процессуального акта.

Указанный исследователь отмечает, что «по мнению ряда авторов, значение института привлечения лица в качестве обвиняемого выражается в выдвигании так называемого первоначального обвинения» [27, с. 162].

Некоторые авторы полагают, что «привлечение лица в качестве обвиняемого есть важнейший после возбуждения уголовного дела акт правоприменения – результат властно-организующей деятельности

компетентного должностного лица (следователя) по квалификации (правовой оценке социально-значимого поведения лица, привлекаемого к уголовной ответственности). Он включает установление фактов, связанных с совершенным противоправным деянием, определение их юридической природы, и принятие решения, выраженного в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого» [19, с. 191].

По поводу позиции, в соответствии с которой одним из приоритетных достоинств анализируемого института выделяется тот факт, что «обвинение, сформулированное в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, сохраняет свое значение до вступления обвинительного приговора в законную силу» [27, с. 162].

«Расследование преступления, привлечение лица к ответственности – процесс сложный, развивающийся часто поэтапно, в течение которого возможны и переквалификация инкриминируемого лицу деяния, и изменение объема обвинения, его корректировка и т. д. И далеко не всегда складывается ситуация, когда информационная модель совершенного преступного деяния, материально зафиксированная в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, в неизменном виде кладется в основу судебного приговора. На практике гораздо чаще происходит ее модернизация и уточнение на протяжении как предварительного расследования, так и судебного разбирательства. Досудебное производство не может быть ограничено константой объема обвинения. В этом ракурсе постановление о привлечении в качестве обвиняемого в определенной степени деструктивно влияет на весь ход уголовного процесса» [27, с. 162-163].

Нередко подозреваемый, который изначально сотрудничал со следствием, после ознакомления с формулировками постановления о привлечении в качестве обвиняемого и осознания возможных последствий, меняет свою позицию. Это приводит к отказу от ранее данных показаний, затягиванию расследования и утрате психологического контакта со следователем. Исследователи объясняют такую тенденцию традицией,

сохранившейся еще с советских времен, когда после предъявления обвинения обвиняемого спрашивают, признает ли он свою вину и желает ли давать показания. Такой подход оказывает на него психологическое давление, усиливает тревожность и побуждает к отрицанию вины с целью избежать наказания.

Не отрицая определенную обоснованность мнения о том, что процедура предъявления обвинения несколько устарела, мы все же считаем, что институт привлечения лица в качестве обвиняемого остается одним из ключевых.

Значение привлечения в качестве обвиняемого заключается в том, что «в связи с появлением обвиняемого и формулированием в соответствующем постановлении четкого обвинительного тезиса последующее производство по уголовному делу становится более целенаправленным» [13, с. 154].

Принимая решение избрать меру пресечения в качестве обвиняемого, следователь не связан требованиями к исключительности оснований для принятия этого решения, а также необходимостью в короткие сроки принять какое-либо процессуальное решение. Закон допускает в отношении обвиняемого избирать изначально меру пресечения до двух месяцев. Поэтому, органы расследования стремятся предъявить обвинение в срок до 10 дней, чтобы не принимать решение об отмене меры пресечения, если она избиралась в отношении подозреваемого.

Если рассматривать сторону защиты, то прежде всего, «вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого и связанное с ним предъявление обвинения, направляют ход дальнейшего предварительного расследования, связанного с непосредственным участием в нем обвиняемого и объективно входящего в качественно новый этап» [47, с. 36]. Лицо наделяется соответствующим статусом и получает возможность понимать, в чем оно обвиняется.

Обвинение, предъявленное в рамках уголовного процесса, устанавливает границы судебного разбирательства как с точки зрения фактических обстоятельств, так и с правовой стороны. В фактическом смысле

это выражается в том, что в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого подробно описываются обстоятельства и суть инкриминируемого деяния. Таким образом, обвиняемый четко понимает, что судебное разбирательство будет проходить исключительно в пределах сформулированного обвинения, поскольку суд не имеет права выходить за его рамки.

Если ранее подозреваемый отказывался от услуг защитника, при предъявлении обвинения следователь обязан вновь предложить ему воспользоваться помощью профессионального защитника. Действовать против воли лица в этом случае невозможно, но закон определяет ситуации, когда участие защитника обязательно, а также содержит еще ряд важнейших положений: «Отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя и суда. Отказ от защитника не лишает подозреваемого, обвиняемого права в дальнейшем ходатайствовать о допуске защитника к участию в производстве по уголовному делу» [54]. То есть, если ранее лицо отказывалось от защитника, к моменту предъявления обвинения оно может заявить, что нуждается в нем.

2.3 Основания и условия привлечения лица в качестве обвиняемого

Законодатель использует термин «достаточность», подразумевая совокупность доказательств, обосновывающую предъявление обвинения. Однако четкого определения этого понятия в законе не содержится, что делает его оценочным и вызывает дискуссии среди исследователей.

Все существующее многообразие мнений по рассматриваемому вопросу, тем не менее, может быть разделено на две основные позиции в зависимости от подхода к пониманию достаточности доказательств.

Первая позиция заключается в признании доказательств для обвинения достаточными при условии исследования их в полном объеме, всестороннее с объективной точки зрения. «Достаточность – основополагающая позиция при

формулировке обвинения, но оно всегда было и остается понятием относительным. Отсутствие критериев достаточности усложняют работу сотрудников следствия (особенно тех, у кого небольшой стаж и опыт работы) при принятии решения о направлении уголовного дела в суд или о прекращении уголовного дела» [46, с. 214].

В соответствии со второй позицией, «современные положения об оценке доказательств выглядят наиболее разумными и адекватными реальному положению дел.

Однако здесь проявляется человеческий фактор, и лицо может быть необоснованно привлечено в качестве обвиняемого вследствие ошибочных выводов следователя или вследствие умышленных действий следователя, направленных на привлечение конкретного лица к уголовной ответственности по каким-либо незаконным соображениям.

Но при всём этом достаточность доказательств предполагает, что имеющаяся совокупность доказательств позволяет утвердительно ответить на следующие вопросы: действительно ли имело место преступление; совершено ли оно лицом, относительно которого решается вопрос о привлечении его в качестве обвиняемого; имеется ли состав преступления в деянии этого лица; - отсутствуют ли обстоятельства, исключающие производство по делу или уголовную ответственность этого лица» [20, с. 2].

Достаточность доказательств для привлечения лица в качестве обвиняемого не равнозначна достаточности доказательств для завершения расследования. В первом случае важно наличие обоснованной совокупности улик, позволяющих предъявить обвинение, тогда как при завершении расследования доказательная база должна быть максимально полной, так как дальнейший сбор новых доказательств в рамках расследования уже не предусмотрен. В то же время после предъявления обвинения следствие может продолжать сбор дополнительных доказательств.

Следовательно, можно предположить, что «достаточные доказательства, дающие основания для привлечения лица в качестве

обвиняемого, – это такая совокупность собранных по делу доказательств, которая бесспорно устанавливает наличие обстоятельств, перечисленных в части 1 статьи 73 УПК РФ, при отсутствии обстоятельств, препятствующих вынесению постановления о привлечении в качестве обвиняемого» [11, с. 1010].

Обоснованным представляется мнение о том, что достаточности доказательств как оценочной категории присущи качественная и количественная стороны, которые определяют содержание достаточности в целом. Качественная сторона проявляется в необходимости достоверности, действительности доказательств.

Как отмечает Е.Е. Святкина, «Ориентация следователей на обладание достаточными доказательствами виновности привлекаемого в качестве обвиняемого побуждает их максимально приближать привлечение к моменту окончания расследования» [50, с. 192].

Например, не могут образовывать качественную сторону достаточности недопустимые доказательства. В качестве количественной стороны достаточности доказательств следует рассматривать необходимость наличия не одного, а нескольких доказательств, и образующих ту совокупность, которая и считается достаточной.

«Принимать решение о привлечении лица в качестве обвиняемого по уголовному делу целесообразно и законно только тогда, когда имеются все доказательства вины именно этого лица в совершенном преступлении. Признание вины имеет не определяющее, но важное значение, поэтому в некоторых зарубежных странах существует концепция о необходимости привлечения переговорщиков по вопросу признания вины» [63, с. 39-40]. Если в деле присутствуют сомнения или непроверенные сведения, это указывает на преждевременность решения о привлечении лица в качестве обвиняемого. Незаконное выдвижение обвинения может привести к прекращению уголовного преследования или вынесению оправдательного приговора. В такой ситуации обвиняемый получает право на реабилитацию, включающую

восстановление его репутации, компенсацию причиненного ущерба и устранение последствий необоснованного уголовного преследования.

Еще одним важным аспектом является установление отсутствия обстоятельств, исключающих уголовную ответственность привлекаемого лица.

Установив эти обстоятельства, следователь переходит непосредственно к вынесению постановления о привлечении в качестве обвиняемого. В нем не предусмотрено указания на основания вынесения данного постановления, как это, например, сделал законодатель применительно к постановлению о возбуждении уголовного дела, четко закрепив в п. 3 ч. 2 ст. 146 УПК РФ указание на то, что в нем должны быть указаны повод и основание для возбуждения уголовного дела. Представляется, что аналогичное требование было бы целесообразно закрепить и в ст. 171 УПК РФ.

Полагаем, что в данном случае использование оценочного понятия «достаточность доказательств» создает существенные сложности для правоприменителей.

Привлечение в качестве обвиняемого – значимое решение, порождающее возможности для существенного ограничения прав лица, наделяемого статусом обвиняемого. И следует ограничить здесь роль субъективного усмотрения, решающую роль должна играть правовая норма.

В настоящее время, закон позволяет трактовать понятие достаточности доказательств достаточно широко, безусловно, подобный подход порождает сложности, приводит к ошибкам, признанию действий следователей незаконными. Кроме того, указанные нарушения, как правило, могут остаться без внимания даже при обжаловании действий следователя, поскольку суды нередко ссылаются в таком случае на ст. 17 УПК РФ, в соответствии с которой следователь оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью, на невозможность предрешения

вопросов, способных стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела.

Так, судом не обсуждался вопрос о том, обоснованно ли обвинение, предъявленное Г. и не дана оценка фактическим обстоятельствам и доказательствам, явившимся основанием для предъявления обвинения, а также правильности квалификации содеянного, поскольку это возможно лишь при рассмотрении уголовного дела по существу [33].

Нарушение данного правила исключает возможность считать суд беспристрастным при рассмотрении уголовного дела, поступившего с обвинительным заключением.

Таким образом, несмотря на наличие законодательного определения обвинения в уголовно-процессуальном праве, его сущность остается предметом дискуссий.

В этой связи представляется обоснованным внести уточнение в пункт 22 статьи 5 УПК РФ, сформулировав его следующим образом: обвинение — это утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, зафиксированное в обвинительном заключении (акте, постановление), подтвержденное доказательствами и являющееся основанием для рассмотрения его судом.

Также предлагается в ст. 5 УПК РФ включить понятие поддержания обвинения следующим образом: поддержание обвинения — действия обвинителя в суде по доказыванию предъявленного обвинения и опровержению доводов защиты.

Привлечение лица в качестве обвиняемого — властное решение производящего расследование лица о достаточности доказательств для инкриминирования конкретному лицу совершения определенного общественно-опасного деяния путем формулировки существа обвинения, содержащей описание обстоятельств, подлежащих доказыванию и квалификацию содеянного. Значение привлечения в качестве обвиняемого проявляется в различных аспектах, несколько отличающихся для каждой

стороны по делу, в целом же важность его заключается в определенном итоге осуществленной на досудебном этапе уголовного судопроизводства деятельности по установлению обстоятельств, образующих предмет доказывания, определении границ производства по уголовному делу.

Единственное основание привлечения лица в качестве обвиняемого – наличие достаточных доказательств совершения конкретным лицом расследуемого деяния. Основные сложности возникают при определении достаточности, поэтому существует необходимость разработки единого понятия достаточности доказательств.

Считаем, что она представляет собой совокупность доказательств, собранных по делу, которые позволяют установить все обстоятельства, относящиеся к предмету доказывания, и обеспечивают возможность правильной квалификации совершенного деяния. При этом не должно быть обстоятельств, препятствующих привлечению лица в качестве обвиняемого: необходимо определить, какое именно уголовно-наказуемое деяние было совершено и установить, что его совершило конкретное лицо, подлежащее уголовной ответственности.

Глава 3 Порядок формирования уголовно-процессуального статуса обвиняемого

3.1 Предъявление, изменение и дополнение обвинения

При изучении вопросов, связанных с предъявлением обвинения, можно выделить три ключевых этапа данной процедуры.

На первом этапе следователь, убедившись в наличии достаточных доказательств, принимает решение о привлечении лица в качестве обвиняемого и выносит соответствующее постановление.

Поскольку подробная характеристика данного постановления будет рассмотрена далее, здесь лишь отметим, что оно должно содержать два аспекта обвинения: фактический (описание преступления) и юридический (его квалификацию в соответствии с УК РФ [55]).

После составления постановления начинается второй этап – непосредственное предъявление обвинения. Согласно установленному порядку, документ должен быть предъявлен обвиняемому не позднее трех суток с момента его вынесения. В случае невозможности сделать это в указанный срок предъявление осуществляется в день явки обвиняемого или его принудительного привода.

При этом, законодатель предусмотрел необходимость извещения обвиняемого о дне предъявления обвинения и одновременно разъясняет ему право самостоятельно пригласить защитника либо ходатайствовать об обеспечении участия защитника следователем.

Здесь следует обратить внимание на тот факт, что нередко следователи допускают нарушения при уведомлении подозреваемого и его защитника о предъявлении обвинения, что выступает предметом обжалования со стороны данных лиц. Можно проиллюстрировать сказанное примером из практики. Следователем было вынесено постановление о привлечении А. в совершении четырех преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 186 УК РФ, оно предъявлено

А., после чего защитник последнего Р. обжаловал это решение в порядке ст. 125 УПК РФ в суд. В своей жалобе Р. привел ряд аргументов, по каким причинам привлечение А. в качестве обвиняемого должно быть признано незаконным: следователем нарушен срок, который необходим для назначения А. защитника в том случае, если защитник по соглашению явиться не сможет. Кроме того, обвинение А. следователь предъявил после того, как истекло 10 суток с момента избрания в отношении него (когда он был в статусе подозреваемого) меры пресечения в виде заключения под стражу. Суд, рассматривая жалобу, пришел к следующему выводу. А. и его защитник Р. о времени и месте предъявления обвинения были уведомлены своевременно, поскольку защитник Р., с которым у А. заключено соглашение, не явился в указанное время, следователем назначен А. защитник К., который предоставил ордер и участвовал в предъявлении обвинения А. и его допросе в качестве обвиняемого, о чем свидетельствуют подписи защитника К. в постановлении и протоколе. Соблюдение требований ст. 100 УПК РФ о необходимости предъявления обвинения подозреваемому, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, не позднее 10 суток с момента задержания подозреваемого, на нарушение которого указал защитник в жалобе, не влияет на законность и обоснованность привлечения А. в качестве обвиняемого. В удовлетворении жалобы было отказано.

Следующий этап деятельности по привлечению в качестве обвиняемого – допрос обвиняемого. Этот вопрос будет подробно раскрыт в отдельном параграфе.

В ходе расследования уголовного дела могут возникнуть ситуации, когда потребуется изменить обвинение. Этот вопрос находит свое урегулирование в ст. 175 УПК РФ. Указанная норма предусматривает, что при появлении оснований для изменения предъявленного обвинения, следователем в соответствии со ст. 171 УПК РФ должно быть вынесено новое постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, которое предъявляется в порядке, установленном ст. 172 УПК РФ. В том случае, если

ранее предъявленное обвинение не нашло подтверждения в какой-либо его части, следователь в этой части своим постановлением прекращает уголовное преследование в отношении лица, о чем уведомляет обвиняемого, защитника или прокурора.

Проанализируем более подробно ситуации, когда может возникнуть необходимость изменения обвинения.

В первую очередь, нельзя исключать ошибок в вынесенном постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, которые могут быть выявлены впоследствии самим следователем, руководителем следственного органа или прокурором. Подобные ошибки, хотя и не изменяют объем предъявленного обвинения, подлежат обязательному исправлению. Поскольку внесение исправлений затрагивает содержание обвинения, необходимо соблюдать требования ч. 1 ст. 175 УПК РФ, предусматривающей вынесение нового постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

Примером такой ситуации может служить обнаружение неточностей в указании времени или места совершения преступления. Так, в рамках уголовного дела в отношении Т. следователь ошибочно указал, что разбойное нападение произошло возле дома № 1, тогда как в действительности преступление было совершено возле дома № 1 «а». Поскольку эта ошибка затрагивала характеристики преступного события, следователю пришлось вынести новое постановление о привлечении Т. в качестве обвиняемого [36].

Изменение обвинения необходимо в случаях, когда требуется его дополнение. Например, когда обвинение было предъявлено по одному эпизоду, а затем установлено, что этим же лицом совершено еще несколько преступлений. Так Б. предъявлено обвинение по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, так как собрано достаточно доказательств, свидетельствующих о совершении им кражи, совершенной с незаконным проникновением в хранилище. В ходе расследования было установлено, что также Б. совершил кражу с незаконным проникновением в жилище Е., в связи с чем, потребовалось дополнить

обвинение. Вынесено новое постановление о привлечении Б. в качестве обвиняемого, в котором ему инкриминировано совершение двух краж [42].

Изменение обвинения может потребоваться также и в ситуациях, когда не меняется число эпизодов преступной деятельности лицом, но устанавливается, что им совершено более тяжкое преступление. Так, Ж. предъявлено обвинение по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ. В ходе расследования установлено, что в результате совершенного преступления потерпевшему причинен средней тяжести вред здоровью, и действия Ж. должны быть переквалифицированы на ч. 1 ст. 162 УК РФ [37].

Аналогичным образом требуется предъявление нового обвинения и в том случае, когда удастся установить соучастников преступления.

Предъявленное обвинение может подлежать смягчению. Как правило, это происходит в случаях, когда обвиняемому вменяется совершение нескольких преступлений, но впоследствии выясняется, что по некоторым из них недостаточно доказательств, установлен факт их малозначительности и т.д.

В такой ситуации требуется вынесение нового постановления о привлечении в качестве обвиняемого, однако этого недостаточно. В соответствии с частью 2 статьи 175 УПК РФ необходимо также вынести постановление о прекращении уголовного преследования в той части, в которой обвинение не нашло своего подтверждения.

3.2 Постановление о привлечении в качестве обвиняемого

Постановление о привлечении в качестве обвиняемого, являясь процессуальным документом, содержит все необходимые реквизиты, предусмотренные для таких постановлений. Но в УПК РФ не содержится никаких конкретных требований к тому, какие сведения должны содержать постановления, выносимые следователями [53, с. 103].

Имеются только некоторые положения законодательства, касающиеся постановлений следователя, они достаточно фрагментарны.

Так, в соответствии с п. 25 ст. 5 УПК РФ, постановления в досудебном судопроизводстве понимаются как решения ... следователя, вынесенные в ходе досудебного производства, за исключением обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления.

Ранее законодательно закреплялись типовые процессуальные бланки, но глава, регламентирующая их, утратила силу [26]. Соответственно, следователи могут составлять по уголовным делам процессуальные бланки, в том числе, и постановления о производстве следственных действий, в свободной форме. Но, как показывает практика, следователи продолжают использовать те образцы, которые ранее закреплялись в УПК РФ, поскольку в них достаточно удачно указывалось, какие части должны содержать постановления, а также статьи, на основании которых принимается соответствующее решение.

В то же время, это – необязательное условие, как уже было отмечено, постановления могут составляться в свободной форме, но отвечать предъявляемым к ним требованиям. в соответствии с ч. 4 ст. 7 УПК РФ постановления должны быть законными, обоснованными и мотивированными.

Характеризуя законность, А.В. Миликова отмечает: «законность любого уголовно-процессуального акта органа предварительного следствия обусловлена его государственно-властным характером и способностью оказывать регулятивное воздействие на возникновение, изменение или прекращение правоотношений либо состояний, существующих в контексте особого назначения уголовного судопроизводства» [25, с. 92].

По мнению А.И. Гильмановой, «законность, как требование, предъявляемое при вынесении процессуальных, предполагает строгое соблюдение императивов процессуального закона. Решение будет законным при соблюдении следующих условий: наличие определенного субъекта уголовной юрисдикции, уполномоченного принимать такое решение; наличие

оснований, предусмотренных законом; надлежащее, соответствующее требованиям УПК РФ, документальное оформление принятого решения» [14, с. 60].

В широком смысле «законность – соблюдение совокупности всех процессуальных требований. В узком смысле процессуальный критерий законности процессуальных актов предполагает его внешнее выражение – выбор процессуального акта, подлежащего принятию в каждом конкретном случае и соблюдение предусмотренных для этого требований» [23, с. 44]. По данному поводу справедливо отмечено, что «решения, принимаемые в уголовном судопроизводстве, оформляются с помощью определенной в законе формы, которую можно считать частью процедуры уголовного судопроизводства. Первоначально принятое в сознании лица решение фиксируется в виде письменного документа, имеющего официальное значение и законодательно закреплённую форму» [25, с. 96].

Процессуальный акт может быть вынесен только уполномоченным должностным лицом в рамках его компетенции. Постановление о привлечении в качестве обвиняемого имеет право издать исключительно следователь, осуществляющий производство по уголовному делу. Хотя это требование прямо не прописано в законодательстве, оно вытекает из анализа норм уголовно-процессуального закона, согласно которым следственные и иные процессуальные действия допускаются только в рамках дел, принятых к производству в установленном порядке.

Следовательно, если следователь вынесет постановление о привлечении в качестве обвиняемого по делу, которое не было им официально принято к производству, такое постановление следует признать незаконным.

Если расследование осуществляется следственной группой, то, согласно пункту 4 части 4 статьи 163 УПК РФ, постановление о привлечении в качестве обвиняемого выносит руководитель следственной группы. В том случае, когда производство расследования осуществляется в порядке гл. 52 УПК РФ, постановление о привлечении в качестве обвиняемого выносится

определенными субъектами (ст. 448 УПК РФ), это требование должно быть соблюдено в обязательном порядке.

Одним из ключевых признаков постановления о привлечении в качестве обвиняемого как уголовно-процессуального акта является наличие законных оснований для его вынесения.

Этот аспект вызывает наибольшее число вопросов, поскольку уголовно-процессуальное законодательство не содержит четкого перечня оснований для привлечения лица в качестве обвиняемого. Вместо этого документ акцентирует внимание на требовании наличия достаточных доказательств, которые обосновывают обвинение в совершении преступления. Оценочный характер этого понятия создает существенные затруднения.

Еще одно требование к постановлению следователя – соблюдение юридической процедуры вынесения. В УПК РФ практически не установлена конкретная процедура вынесения постановления следователем, однако очевидно, что для этого должны существовать фактические основания, «которыми принято считать совокупность обстоятельств, которые следователь обязан установить к моменту принятия решения о предъявлении обвинения» [9, с. 42], после этого следователь выносит постановление.

При вынесении постановления о привлечении в качестве обвиняемого должны быть соблюдены требования к его оформлению. Нужно отметить, что уголовно-процессуальные акты имеют разную степень формализации. В целом сейчас нет четких законодательно определенных требований к процессуальным актам следователя. Единственное закрепленное законодательно – письменная форма постановления, все остальные выработаны правоприменительной практикой. В частности, традиционно постановление о производстве следственных действий, как и все процессуальные акты, содержит вводную, описательную и заключительную части.

Анализ практики позволяет утверждать, что, вынося постановление о привлечении в качестве обвиняемого, следователи соблюдают обычную структуру.

Постановление о привлечении в качестве обвиняемого характеризуется высокой степенью формализации. Видимо, в силу значения этого процессуального акта, законодатель счел необходимым закрепить требования к тому, что в обязательном порядке должно быть указано в постановлении. Так, в соответствии с ч.2 ст. 171 УПК РФ, в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого должно быть указано следующее:

- дата и место его составления;
- кем составлено постановление;
- фамилия, имя и отчество лица, привлекаемого в качестве обвиняемого, число, месяц, год и место его рождения;
- описание преступления с указанием времени, места его совершения, а также иных обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с пп. 1-4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ;
- пункт, часть, статья УК РФ, предусматривающие ответственность за данное преступление;
- решение о привлечении лица в качестве обвиняемого по расследуемому уголовному делу.

В соответствии с ч. 3 ст. 171 УПК РФ, «при обвинении лица в совершении нескольких преступлений, предусмотренных разными пунктами, частями, статьями Уголовного кодекса Российской Федерации, в постановлении о привлечении его в качестве обвиняемого должно быть указано, какие деяния вменяются ему по каждой из этих норм уголовного закона» [54].

Признаком процессуального акта исследователи признают обоснованность - «соответствие содержащихся в уголовно-процессуальном акте выводов и утверждений предварительно установленным фактическим обстоятельствам уголовного дела» [25, с. 96]. В пример исследователем

приводится обоснованность постановления о привлечении в качестве обвиняемого, заключающаяся в наличии достаточных доказательств, дающих основание для обвинения лица в совершении преступления.

С точки зрения А.И. Гильмановой, исследующей содержание постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, «обоснованность является одним из первостепенных требований, предъявляемых для принятия процессуального решения, и определяется как точное соответствие (пропорциональность) выводов, сделанных в процессе производства по делу, фактическим обстоятельствам самого уголовного дела. Обоснованность постановления означает, что следователь при его вынесении строго исходил из материалов расследованного и рассмотренного уголовного дела; основывал свои выводы на достоверных доказательствах, а не на предположениях; давал оценку доказательствам в совокупности, исключающую другое решение, кроме принятого» [14, с. 61].

Согласимся, что «обоснованность уголовно-процессуальных актов органов предварительного следствия самым тесным образом взаимосвязана с их законностью. Эти категории настолько переплетены, что в реальной правоприменительной практике иногда достаточно сложно отделить одну от другой и понять, какое из этих требований было нарушено, вследствие несоблюдения какого из них акт подлежит отмене и т. д.» [25, с. 98].

Справедливо А.В. Миликовой отмечено, что «законность и обоснованность уголовно-процессуальных актов органов предварительного следствия не нужно расценивать как однородные и взаимообусловленные правовые категории» [24, с. 99]. Также указанный автор отмечает: «формально законный уголовно-процессуальный акт вполне может быть не в достаточной степени обоснован, равно как и обоснованный акт может полностью или частично не соответствовать требованиям уголовно-процессуальной формы» [25, с. 99].

Возможно, что необоснованный акт является законным и наоборот. Например, если следователь, получив уголовное дело в производство, не

принял его в установленном законом порядке, и при этом вынес обоснованное постановление о привлечении в качестве обвиняемого, оно будет являться обоснованным, но незаконным.

В любом случае, какое бы из рассматриваемых требований не было нарушено, вынесенное постановление будет являться процессуально недоброкачественным, что приведет к лишению его юридической силы, а произведенное на его основании следственное действие – незаконным.

При этом, «требования законности, обоснованности и мотивированности любого процессуального акта-решения органа предварительного следствия находятся в неразрывной взаимосвязи, определяя его доброкачественность для решения задач досудебного производства по конкретному уголовному делу» [24, с. 80].

Следующим признаком уголовно-процессуальных актов является мотивированность, «данное требование предполагает наличие в каждом соответствующем документе так называемой описательно-мотивировочной части, представляющей последовательное изложение мотивов и выводов, обуславливающих принятие решения» [25, с. 102].

Совершенно справедливо А.В. Миликова отмечает, что «публично-правовой характер любого подобного акта полностью исключает возможность его появления вне зависимости от установленных законом оснований» [25, с. 102].

А.И. Гильманова полагает, что «мотивированность процессуального решения уполномоченного субъекта предполагает наличие в описательно-мотивировочной части процессуального документа разъяснения причин, послуживших основанием для принятия такого решения, в некоторых случаях – доказательств, подтверждающих необходимость в таком решении» [14, с. 61]. Соответственно, мотивированность как признак процессуального акта тесным образом переплетена и взаимосвязана с обоснованностью и характерна в том числе и для постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

3.3 Допрос обвиняемого

После предъявления обвинения необходимо провести допрос обвиняемого. «Немаловажным моментом остается допрос обвиняемого, который является одним из обязательных этапов в уголовно-процессуальном алгоритме предъявления обвинения (ст. 173 УПК РФ). На данном этапе у следователя появляется возможность получить показания обвиняемого и выяснить его отношение к инкриминируемым действиям с учетом совокупности собранных к этому моменту изобличающих доказательств» [28, с. 108].

Законодатель в ч. 1 ст. 173 УПК РФ предусмотрел, что «следователь допрашивает обвиняемого немедленно после предъявления ему обвинения с соблюдением требований пункта 9 части четвертой статьи 47 и части третьей статьи 50 настоящего Кодекса» [54].

В соответствии с п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, «обвиняемый вправе иметь свидания с защитником наедине и конфиденциально, в том числе до первого допроса обвиняемого, без ограничения их числа и продолжительности. Свидания обвиняемого, содержащегося под стражей в следственном изоляторе, с защитником могут проводиться по заявлению обвиняемого с согласия защитника путем использования систем видео-конференц-связи при наличии технической возможности и соответствующих помещений, а также при условии соблюдения конфиденциальности таких свиданий и сохранения адвокатской тайны» [54].

До момента ознакомления с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого лицо и его защитник только в общих чертах представляют, что может быть инкриминировано данному лицу, основываясь на том, в чем оно подозревалось.

Однако, постановление о привлечении в качестве обвиняемого содержит полную информацию о совершенном преступлении, квалификацию содеянного, которая может и отличаться от той, которую следователь

указывал при допросе в качестве подозреваемого. Поэтому предоставить право обвиняемому обсудить свою позицию с защитником относительно предъявленного обвинения следователь обязан [59, с. 314].

Если защитник обвиняемого не прибыл для участия в предъявлении обвинения и допросе, ему может быть предоставлен защитник по назначению.

Если обвиняемый решает не давать показания, в протоколе допроса должна быть сделана соответствующая запись.

Следует помнить, что по статье 308 УК РФ отказ от дачи показаний не влечет уголовной ответственности, поэтому нельзя применять к обвиняемому давление или заставлять его говорить. В случае, если обвиняемый заявляет о своем нежелании давать показания, следователь обязан зафиксировать это в протоколе. Оказание давления, применение иных незаконных методов, в особенности, насилия, не допускается [64, с. 22].

Если обвиняемый желает давать показания на другом языке, не на том, на котором осуществляется уголовное судопроизводство, необходимо обеспечить ему переводчика.

Здесь следует учесть, что далеко не всегда можно найти лицо, способное выступить переводчиком, в короткие сроки.

Таким образом, возникает вопрос, как соблюсти требование законодателя произвести допрос обвиняемого немедленно после предъявления ему обвинения и предоставление переводчика, поскольку обвиняемый желает дать показания на родном языке.

Могут возникнуть ситуации, когда обвиняемый, который первоначально заявил, что не нуждается в переводчике, в процессе допроса решит дать показания на другом языке. Отказ в таком случае может привести к нарушению его прав.

Поэтому представляется необходимым уточнить в статье 173 УПК РФ, что, если обвиняемый после предъявления обвинения выражает желание давать показания на другом языке, допрос может быть отложен до назначения переводчика, но не более чем на 5 суток.

Если обвиняемый выразил согласие на дачу показаний, его допрос проводится в соответствии с требованиями статьи 189 УПК РФ, касающимися проведения допроса в целом, а также в соответствии с теми специфическими требованиями, которые указаны в ст. 173 УПК РФ.

В выборе тактики допроса следователь свободен, но запрещается задавать наводящие вопросы. Обвиняемому предоставляется право пользоваться документами и записями.

Возможно использование в ходе допроса технических средств фиксации – фото, видео, аудио, как по инициативе следователя, так и по ходатайству допрашиваемого.

Закон ничего не говорит по поводу того, обязан ли следователь прервать допрос обвиняемого, если последний заявляет, что ему необходимо пообщаться с защитником наедине.

Как можно увидеть из требований УПК РФ, речь идет о том, что право на общение с защитником должно быть предоставлено обвиняемому до начала допроса.

Но практика свидетельствует о том, что, если в ходе допроса обвиняемый считает необходимым обсудить свою позицию с защитником, следователи идут навстречу и предоставляют такую возможность.

Нужно учесть, что в допросе обвиняемого возможно участие специалиста, если следователь сочтет это необходимым.

Например, это целесообразно при расследовании отдельных видов преступлений, имеющих существенную специфику, в частности, экономические преступления, должностные, когда может использоваться специальная терминология, которой следователь не владеет, и ему требуется помощь лица, обладающего специальными знаниями в определенной сфере.

Законодательно установлены требования к протоколу допроса обвиняемого. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 174 УПК РФ, «в протоколе первого допроса указываются данные о личности обвиняемого:

- 1) фамилия, имя и отчество;

- 2) дата и место рождения;
- 3) гражданство;
- 4) образование;
- 5) семейное положение, состав его семьи;
- 6) место работы или учебы, род занятий или должность;
- 7) место жительства;
- 8) наличие судимости;
- 9) иные сведения, имеющие значение для уголовного дела» [54].

Что касается протоколов последующих допросов лица в качестве обвиняемого, то законодатель в ч. 3 ст. 174 УПК РФ привел уточнение, что в таких случаях «данные о личности обвиняемого, если они не изменились, можно ограничить указанием его фамилии, имени и отчества» [54].

Особые требования предъявляются к допросу несовершеннолетнего обвиняемого.

«1. Допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого не может продолжаться без перерыва более 2 часов, а в общей сложности более 4 часов в день. 2. В допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого участвует защитник, который вправе задавать ему вопросы, а по окончании допроса знакомиться с протоколом и делать замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей» [54]

«В допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно» [54].

В соответствии с ч. 4 ст. 425 УПК РФ, «следователь, дознаватель обеспечивают участие педагога или психолога в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого по ходатайству защитника либо по собственной инициативе» [54].

Как правило, к участию в деле привлекают педагогов из учебного заведения, в котором обучается несовершеннолетний.

Чаще в допросе участвует именно педагог, а не психолог, так как «профессия педагога более востребованная, то обеспечить его участие в уголовном процессе гораздо проще, нежели психолога» [29, с. 43].

Но осуществляя выбор педагога, нужно исходить из его взаимоотношений с несовершеннолетним. Если нет конфликтов, отношения доверительные, следует приглашать педагога, знакомого несовершеннолетнему.

В случае же, если отношения напряженные, то целесообразно привлечь к участию в уголовном деле педагога из иного учебного заведения.

Первая ситуация, безусловно, наиболее благоприятна, дает возможность установить психологический контакт с несовершеннолетним, получить от него правдивые показания, а ему, в свою очередь, оказать помощь в стрессовой ситуации, которая всегда возникает в связи с привлечением к уголовной ответственности [6, с. 22].

Педагог или психолог не просто присутствуют при допросе несовершеннолетнего обвиняемого, в соответствии с ч. 5 ст. 425 УПК РФ, этот участник «вправе с разрешения следователя, дознавателя задавать вопросы несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому, а по окончании допроса знакомиться с протоколом допроса и делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей. Эти права следователь, дознаватель разъясняют педагогу или психологу перед допросом несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, о чем делается отметка в протоколе» [54].

В случае, когда обвиняемый является несовершеннолетним, его допрос не может продолжаться без перерыва более 2 часов, а в общей сложности более 4 часов в день.

Допрос обвиняемого не может проводиться в ночное время, что следует из ст. 164 УПК РФ, определяющей общие правила производства следственных действий. В этот период возможно производить следственные действия только в случаях, не терпящих отлагательств, а допрос обвиняемого к ним не

относится, это всегда запланированное следственное действие, проводимое после предъявления постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

«В начале допроса следователь выясняет у обвиняемого, признает ли он себя виновным, желает ли дать показания по существу предъявленного обвинения и на каком языке. В случае отказа обвиняемого от дачи показаний следователь делает соответствующую запись в протоколе его допроса» [54].

«Допрос проводится в порядке, установленном статьей 189 настоящего Кодекса, с изъятиями, установленными настоящей статьей» [54].

«Повторный допрос обвиняемого по тому же обвинению в случае его отказа от дачи показаний на первом допросе может проводиться только по просьбе самого обвиняемого» [54].

Исследуя рассматриваемое следственное действие, нужно отметить, что допрос обвиняемого обладает важнейшим значением, что и обусловило, по нашему мнению, требование к его производству сразу же после предъявления обвинения.

Для допрашиваемого это возможность сразу же после того, как он узнает, в чем обвиняется, выразить свою позицию по поводу обвинения, согласиться с ним полностью или в части, либо не согласиться, привести соответствующие аргументы или выбрать тактику молчания.

Для стороны обвинения производство допроса лица сразу же после предъявления ему обвинения – возможность получить данные о позиции этого лица, определить, потребуется ли произвести еще какие-то следственные действия по уголовному делу, либо такая необходимость отсутствует.

Получение дополнительных доказательств после допроса в качестве обвиняемого может быть обусловлено заявлением о каких-то новых фактах допрашиваемым, например, о наличии у него алиби, свидетелей защиты. В результате может возникнуть и необходимость перепредъявить обвинение, если возникнут новые обстоятельства, в частности, влияющие на квалификацию преступления, инкриминированного лицу.

Таким образом, процесс предъявления обвинения является последовательным и включает несколько этапов: вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого, его предъявление соответствующему лицу и допрос обвиняемого. В случае необходимости изменения или дополнения обвинения следует вынести новое постановление, предъявить его обвиняемому и провести дополнительный допрос.

Постановление о привлечении в качестве обвиняемого должно соответствовать обязательным требованиям, предъявляемым к уголовно-процессуальным актам: оно должно быть законным, обоснованным и мотивированным. Такое постановление состоит из вводной, описательной и заключительной частей, в обязательном порядке отражая обстоятельства совершенного преступления и квалификацию деяния.

Нарушение требований, предъявляемых к постановлению о привлечении в качестве обвиняемого, влечет признание его незаконным, поэтому к составлению этого процессуального документа надлежит подходить с особой тщательностью, соблюдая правдивость описания фактических обстоятельств, а также верно определив квалификацию содеянного. Допрос обвиняемого – обязательное следственное действие, которое проводится незамедлительно после предъявления лицу постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

Когда обвиняемый хочет давать показания на другом языке, ему должен быть предоставлен переводчик. Но оперативное привлечение переводчика не всегда возможно. Поэтому, представляется целесообразным дополнить статью 173 УПК РФ частью 2.1 следующего содержания: «Если обвиняемый сообщает, что желает давать показания на другом языке, следователь вправе отложить допрос до назначения переводчика, но не более чем на пять суток».

Глава 4 Проблемные аспекты привлечения лица в качестве обвиняемого и пути их решения

При привлечении лица в качестве обвиняемого возникают определенные проблемы, например, как отмечает Д.К. Усеева, «актуальной проблемой института обвиняемого (подозреваемого) в уголовном процессе является действующий порядок привлечения лица в качестве обвиняемого. Решение о привлечении в качестве обвиняемого принимается следователем, когда достаточно доказательств, дающих основания для этого. Подобная формулировка, безусловно, нуждается в редактировании в целях расширительного толкования понятия достаточных доказательств» [58, с. 889].

Нельзя игнорировать и другие проблемы, в основном связанные с тем, что следователи могут допускать ошибки при составлении постановления о привлечении в качестве обвиняемого или нарушать права обвиняемого. В случае, если постановление о привлечении в качестве обвиняемого вынесено с нарушением закона, суд может вернуть уголовное дело прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ или вынести оправдательный приговор подсудимому.

В качестве примера, подтверждающего сказанное, можно привести апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Саратовского областного суда от 01 марта 2016 года по делу № 22-544 на апелляционное представление государственного обвинителя П. на приговор Энгельсского районного суда Саратовской области от 21 декабря 2015 года, которым Ч. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ. В апелляционном представлении по измененным основаниям государственный обвинитель П. ставит вопрос об отмене приговора и возвращении уголовного дела прокурору на основании ст. 237 УПК РФ.

В доводах указывает, что в постановлении о привлечении Ч. в качестве обвиняемого органами следствия в нарушение ст.ст. 73, 171 УПК РФ при

описании преступления не отражена форма вины Ч. по отношению к последствиям в виде смерти потерпевшей.

В приговоре же при описании преступного деяния суд в нарушение ст.ст. 307 и 252 УПК РФ указал неосторожную форму вины Ч., в результате чего вышел за пределы предъявленному тому обвинения, в связи с чем, приговор, по мнению автора представления, не может быть признан законным и обоснованным.

Проверив материалы дела, обсудив доводы апелляционных представления и жалобы, судебная коллегия пришла к следующему.

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 220 УПК РФ в обвинительном заключении следователь указывает, в том числе существо обвинения, место и время совершения преступления, его способы, мотивы, цели, последствия и другие обстоятельства, имеющие значение для данного уголовного дела.

Кроме того, в соответствии с требованиями п. 4 ч. 2 ст. 171 УПК РФ в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого должно быть указано описание преступления с указанием времени, места его совершения, а также иных обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с пунктами 1-4 части первой статьи 73 УПК РФ.

Пункт 2 части 1 статьи 73 УПК РФ относит форму вины к обстоятельствам, подлежащим доказыванию при производстве по уголовному делу. В соответствии со ст. 252 УПК РФ судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному обвинению. Эти требования закона нарушены.

Так, субъективная сторона преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, характеризуется двойной формой вины: умыслом на причинение тяжкого вреда здоровью и неосторожностью по отношению к наступившему последствию - смерти потерпевшего.

Таким образом, по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 4 ст. 111 УК РФ, форма вины по отношению к наступлению смерти потерпевшего подлежит доказыванию, она должна быть

указана в описании преступления как в описательно-мотивировочной части приговора, так и в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении.

Судом в описательно-мотивировочной части приговора при описании преступного деяния Ч. указано о неосторожном отношении последнего к смерти потерпевшей.

Вместе с тем, при описании преступного деяния, установленного органом следствия и признанного судом обоснованным, как в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, так и в обвинительном заключении форма вины Ч. по отношению к смерти потерпевшей В. не указана.

Отсутствие в предъявленном Ч. обвинении указания на форму его вины по отношению к наступившему последствию в виде смерти потерпевшей В. в силу ст. 252 УПК РФ, определяющей пределы судебного разбирательства, не могло быть восполнено на стадии судебного разбирательства.

Судебная коллегия приговор Энгельсского районного суда Саратовской области от 21 декабря 2015 года в отношении Ч. отменила, уголовное дело на основании п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ возвращено прокурору г. Энгельса Саратовской области для устранения препятствий его рассмотрения судом [2].

Аналогичным примером является апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Саратовского областного суда от 16 февраля 2014 года по делу № 22-364 по апелляционному представлению государственного обвинителя на приговор Балаковского районного суда Саратовской области от 23 ноября 2015 года, которым С. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ. В апелляционном представлении по измененным основаниям и дополнении к нему государственным обвинителем ставится вопрос об отмене приговора, в связи с нарушением уголовно-процессуального закона и возвращении уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

В доводах указывается о нарушении органом предварительного расследования ст. ст. 171, 220 УПК РФ, поскольку в постановлении о

привлечении в качестве обвиняемого, обвинительном заключении не указано место совершения С. преступления.

Органами предварительного расследования и судом при рассмотрении настоящего уголовного дела в отношении осужденного С. допущены существенные нарушения требований уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела, что, в соответствии с ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ является основанием для отмены приговора суда.

В соответствии с п. 1 ч.1 ст. 73 УПК РФ, при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию, в частности событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления). Согласно п. 3 ч. 1 ст. 220 УПК РФ в обвинительном заключении должны быть указаны существо обвинения, место и время совершения преступления, его способы, мотивы, цели, последствия и другие обстоятельства, имеющие значение для данного уголовного дела.

Аналогичные требования закона о наличии в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого описания преступления с указанием времени, места его совершения, а также иных обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с пунктами 1-4 ч.1 ст. 73 УПК РФ, содержатся в п. 4 ч. 2 ст. 171 УПК РФ.

Исходя из смысла приведенных выше положений закона в предъявляемом обвинении, а равно в обвинительном заключении должны быть конкретно указаны обстоятельства совершенного преступления, чтобы позволить суду при исследовании доказательств объективно разрешить вопрос о виновности или невиновности привлеченного к уголовной ответственности лица.

Однако эти требования закона органами следствия и судом по настоящему делу не соблюдены, поскольку в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительном заключении и в приговоре не указано место совершения С. преступления.

При таких обстоятельствах, судебная коллегия пришла к выводу о том, что постановленный в отношении С. приговор подлежит отмене, а уголовное дело в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ возвращению прокурору города Балаково Саратовской области для устранения препятствий его рассмотрения судом [3].

Достаточно распространены технические ошибки в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, когда следователь ошибается, например, в дате совершения преступления. Можно рассмотреть условный пример. Преступление совершено 22 июня 2021 года, а следователь, предъявляя обвинение 10 июня 2022 года указывает дату совершения преступления 22 июня 2022 года, то есть, еще не наступившую дату.

Очевидно, что данная ошибка является опечаткой, но тем самым нарушается требование УПК РФ о необходимости указания времени совершения преступления. Также ошибочно может быть указана дата рождения обвиняемого, его фамилия (особо распространенная ошибка в данном случае: путаница букв ё и е, содержащихся в фамилии обвиняемого, в связи с чем обязательно указание в обвинении фамилии лица в точности так, как она указана в его паспорте), инициалы и прочее.

Все это может привести к возвращению уголовного дела судом прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом либо к оправдательному приговору.

В качестве примера можно привести апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Тыва от 21 января 2016 года по делу № 22-37/2016 по апелляционному представлению государственного обвинителя Х. на постановление Кызылского городского суда Республики Тыва от 30 ноября 2015 года, которым О. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ.

Органами предварительного следствия О. обвиняется в совершении преступления, предусмотренного ч.2 ст.228 УК РФ при обстоятельствах,

изложенных в обвинительном заключении. Суд возвратил уголовное дело прокурору в порядке ст.237 УПК РФ для устранения препятствий его рассмотрения судом, указав, что в обвинительном заключении и постановлении о привлечении в качестве обвиняемого неправильно указано время совершения преступления, согласно которому О., реализуя преступный умысел в период времени с 21 часа до 22 часов 10 июля 2015 года приобрел наркотическое средство марихуану, которое затем незаконно хранил до 2 часов 35 минут 10 июля 2015 года, что имеет существенное значение для правильного разрешения дела и подлежит доказыванию при производстве по делу.

В апелляционном представлении государственный обвинитель Х. просил постановление суда отменить, указав, что допущенная техническая ошибка не может быть основанием для возвращения уголовного дела прокурору. Указывает, что материалами дела установлены дата, место и время совершения преступления.

Согласно обвинительному заключению О. реализуя преступный умысел, с 21 часа до 22 часов 10 июля 2015 года незаконно приобрел наркотическое средство марихуану, которое затем незаконно хранил до 2 часов 35 минут 10 июля 2015 года. Ошибочное указание даты окончания хранения наркотического средства как 2 часа 35 минут 10 июля 2015 года является технической ошибкой.

Проверив представленные материалы уголовного дела, обсудив доводы апелляционного представления, заслушав стороны, суд апелляционной инстанции находит постановление суда законным и обоснованным.

В соответствии с ч.1 ст.73 УПК РФ при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию событие преступления, время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления.

Согласно ч. 2 ст. 171 УПК РФ, в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого должны содержаться, в частности, описание преступления с указанием времени, места его совершения. По данному делу

вышеуказанное требование закона органами предварительного следствия не выполнено.

Так, из текста постановления о привлечении в качестве обвиняемого и соответствующей части обвинительного заключения следует, что следователь, описывая действия обвиняемого, указал, что 10 июля 2015 года около 19 часов 00 мин. у О. возник умысел на незаконное приобретение и хранение наркотического средства без цели сбыта, реализуя умысел с 21 часа 00 мин. по 22 час 00 мин. того же дня незаконно приобрел наркотическое средство, затем незаконно хранил данное наркотическое средство до 2 часов 35 минут 10 июля 2015 года, то есть этого же дня.

Таким образом, органы предварительного следствия в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого указали дату окончания преступления, то есть незаконного хранения наркотического средства. При указанных обстоятельствах суд апелляционной инстанции считает, что суд первой инстанции обоснованно пришел к выводу о вынесении постановления о привлечении в качестве обвиняемого с нарушением требований уголовно-процессуального закона, поскольку были нарушены требования ст.220 УПК РФ [4].

Полагаем, что было бы целесообразным предоставить право прокурору перепредъявлять обвинение лицу в том случае, если в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого имеются ошибки либо вносить соответствующие изменения в обвинение в суде, в том случае, когда очевидно, что речь идет о технической ошибке, даже если она связана с описанием события преступления.

Безусловно, ни прокурор, ни суд не вправе переквалифицировать деяние на более тяжкое. В таком случае уголовное дело должно быть возвращено для проведения дополнительного следствия.

Но когда ошибки заключаются, например, в данных о личности обвиняемого, дате или времени совершения преступления и другие, хотя в материалах уголовного дела они установлены верно, считаем, что было бы

возможным предоставить право прокурору внесения уточнений, например, путем вынесения соответствующего постановления об устранении ошибок в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого. Исключив таким образом необходимость возвращения уголовного дела для дополнительного следствия, можно было бы добиться и положительных результатов сокращения срока производства по делу, соблюдая принцип, содержащийся в ст. 6.1 УПК РФ.

Распространённой ошибкой при привлечении лица в качестве обвиняемого является принятие следователем такого решения без достаточных оснований и доказательств. Это впоследствии приводит к прекращению дела по реабилитирующим основаниям.

Однако встречается и обратная ситуация, когда следователь необоснованно затягивает предъявление обвинения, что может повлиять на ход расследования и соблюдение прав обвиняемого.

В некоторых случаях обвинение предъявляется в момент завершения сроков предварительного следствия и, если обвиняемый с предъявленным обвинением не согласен, приводит к тому, что следователю приходится продлевать срок расследования для опровержения позиции обвиняемого. Недопустимым является и формальное разъяснение обвиняемому его прав, не разъяснение в полном объеме сущности инкриминируемого преступления, размера наказания.

Еще одним важным аспектом является недопустимость предъявления обвинения и допроса обвиняемого без фактического присутствия защитника.

Рассмотрим пример. К. на основании приговора Мытищинского городского суда Московской области от 22 мая 2018 года признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ, данное решение оставлено без изменения апелляционным постановлением Московского областного суда от 14 августа 2018 года.

В кассационной жалобе адвокат Т.А.С. просил приговор отменить, уголовное дело прекратить в связи с отсутствием в действиях К. состава

преступления, обращая внимание на использование судом недопустимого доказательства – протокола допроса К., поскольку при предъявлении ему обвинения и допросе адвокат Т.Р.В., указанный в протоколе, отсутствовал и подписал протокол после выполнения следственных действий.

Президиум Московского областного суда пришел к выводу, что из показаний К., данных при допросе в качестве обвиняемого 28 ноября 2017 года, следует, что он признал вину и пояснил, что действительно толкнул потерпевшую локтем и телом, чтобы выйти из кабинета.

Из протокола допроса К. от 28 ноября 2017 года следует, что он проведен следователем Н. в помещении ИВС МУ МВД России «Мытищинское» в присутствии адвоката Т.Р.В.

Судом отвергнуты доводы подсудимого К. том, что эти показания даны в отсутствие адвоката. Вместе с тем, из уголовного дела следует, что обвиняемый К. был выведен из камеры следственного изолятора для выполнения следственных действий со следователем Н., в то время, когда адвокат Т.Р.В. выполнял следственные действия с другим следователем в отношении другого обвиняемого.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о существенном нарушении уголовно-процессуального закона при допросе обвиняемого, что влечет признание показаний К. недопустимыми доказательствами. Президиум Московского областного суда постановил: приговор Мытищинского городского суда Московской области от 22 мая 2018 года и апелляционное постановление Московского областного суда от 14 августа 2018 год в отношении К. изменить. Исключить из них ссылку на показания обвиняемого К. как на доказательство по делу [32].

Существует мнение об отсутствии необходимости существования института привлечения в качестве обвиняемого. Так, в частности, Т.С. Волчецкая и И.В. Петров отмечают, что «в настоящее время имеются все условия для упразднения статуса обвиняемого на стадии предварительного расследования. Если в отношении конкретного гражданина у следователя

сформировано обоснованное подозрение, он должен иметь возможность вынести постановление о признании этого лица подозреваемым.

В нем, в отличие от постановления о привлечении в качестве обвиняемого, не требуется ссылка на обстоятельства, подлежащие доказыванию в соответствии с пунктами 1 - 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, а сформулированное подозрение не обязательно должно полностью соответствовать фабуле дела, впоследствии изложенной в обвинительном заключении или акте.

Если в процессе расследования будут установлены новые обстоятельства, и следователь посчитает необходимым изменить содержание первоначального постановления о признании лица подозреваемым, то следует не выносить новое постановление о признании лица подозреваемым, а предусмотреть возможность составления, например, уведомления об изменении содержания подозрения, в котором излагались бы все обстоятельства преступления, инкриминируемого гражданину.

Это, во-первых, позволит избежать затратной по времени процедуры формирования нового постановления; во-вторых, даст возможность изменить, скорректировать подозрение и при этом обеспечить лицо правом знать, в чем оно подозревается» [12, с. 92].

Полагаем, что постановление о привлечении в качестве обвиняемого имеет важное значение, что уже было обосновано ранее в рамках данной работы, поэтому отказываться от этого уголовно-процессуального акта нецелесообразно.

Именно на нем основывается итоговый документ следователя по уголовному делу – обвинительное заключение, эти процессуальные акты являются основой для суда при рассмотрении уголовного дела, поскольку он ограничен рамками предъявленного обвинения.

Исключение рассматриваемого института может привести к трудностям для всех участников процесса, включая суд, которому в этом случае придется

формулировать обвинение. Это недопустимо, так как суд не является стороной в деле.

Таким образом, можно сделать вывод, что основные проблемы, возникающие при привлечении лица в качестве обвиняемого, связаны с незаконным решением следователя в случае отсутствия достаточных доказательств вины, с нарушением права на защиту, когда защитник фактически не участвует при предъявлении обвинения, а также с ошибками, допущенными при составлении постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

Когда ошибки в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого являются техническими, легко устранимыми путем уточнения определенных данных, что не влияет на объем обвинения, нецелесообразно применение длительной процедуры возвращения уголовного дела для дополнительного расследования.

Целесообразным было бы предоставить прокурору, поддерживающему обвинение в суде, выносить постановление об устранении ошибок в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого.

При этом, надлежит повысить и контроль со стороны руководителей следственных органов за выносимыми следователями постановлениями о привлечении в качестве обвиняемого, для чего можно предусмотреть обязательное его согласование, как это предусмотрено для обвинительного заключения.

Заключение

Законодателем понятия обвиняемого сформулировано через основания наделения указанных лиц соответствующим статусом. Нам такой подход представляется неверным, следует изменить формулировки рассмотренных понятий. В частности, полагаем, что обвиняемым является лицо, которому предъявлено обвинение силу наличия достаточных доказательств, дающих основания для его обвинения в совершении преступления, которое наделяется правами и обязанностями обвиняемого.

Обвиняемый с момента наделения его данным статусом приобретает широкий комплекс прав и обязанностей. Видится необходимым сосредоточить все права обвиняемого в одной норме (в ст. 47 УПК РФ).

Механизм обеспечения прав обвиняемого в уголовном судопроизводстве представляет собой совокупность таких элементов как уголовно-процессуальные гарантии, уголовно-процессуальная форма и субъекты обеспечения прав подозреваемого.

Существует необходимость совершенствования уголовного-процессуального законодательства в сфере регламентации прав обвиняемого.

Так, обвиняемые, в случае, когда не владеют или не в полной мере владеют языком уголовного судопроизводства, имеют право использовать другой язык (родной или которым владеют в достаточной степени), а также пользоваться помощью переводчика. Обязанность обеспечения реализации указанных прав возлагается на субъектов уголовного процесса. В то же время, следует учитывать, что необходимо исключать возможность злоупотребления этими правами, когда в действительности лица, заявляющие о не владении ими языком уголовного судопроизводства, предоставляют органам расследования и суду ложную информацию, чтобы оказать противодействие правосудию, создать излишние сложности. Отсутствие четких критериев, позволяющих определить ситуации, в которых участник уголовного процесса действительно нуждается в помощи переводчика, создает сложности в правоприменительной

практике и приводит к различным подходам к решению этого вопроса, что не отвечает принципу справедливости.

Поэтому существует необходимость не только разработки таких критериев (подобные попытки предпринимались уже неоднократно), но их закрепления (законодательно, либо, что предпочтительнее, в разъяснениях высшей судебной инстанции).

Таким образом, представляется необходимым издание постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике участия переводчиков в уголовном судопроизводстве». В этом постановлении должны содержаться критерии (основания) привлечения переводчиков к участию в уголовном процессе, к их числу предлагается отнести следующие:

- недостаточность уровня знаний у участника уголовного процесса языка, на котором ведется производство по делу, для понимания сущности уголовного судопроизводства, складывающейся правовой ситуации по делу;
- невозможность восприятия письменной речи на языке уголовного судопроизводства, даже если лицо может изъясняться на этом языке и понимать устную речь.

Также в указанном постановлении надлежит закрепить алгоритм проверки степени владения участником по делу языком уголовного судопроизводства, предполагающий:

- постановку вопроса о том, откуда лицо знает язык;
- предложение этому лицу прочесть текст на языке уголовного судопроизводства и пояснить его содержание, а также написать текст на указанном языке.

Для того, чтобы исключить возможность злоупотребления правом ознакомления с материалами уголовного дела путем затягивания этого процесса, следует законодательно определить минимальное количество листов, с которым обвиняемый должен знакомиться за один день.

Полагаем, что неверным является закрепление в ст. 47 УПК РФ в числе

прав обвиняемого тех, которые реализуются в судебных стадиях уголовного судопроизводства, это права подсудимого и осужденного, поэтому они должны быть перенесены в соответствующие нормы.

Несмотря на то, что в уголовно-процессуальном законодательстве закреплено определение обвинения, до сих пор не существует единой точки зрения на этот вопрос, и нередко происходит смешение понятий уголовного преследования, обвинения и поддержания обвинения.

Считаем необходимым в пункте 22 статьи 5 УПК РФ закрепить понятие обвинения следующим образом: обвинение — это утверждение о совершении лицом деяния, запрещенного уголовным законом, изложенное в обвинительном заключении (акте, постановлении), подтвержденное доказательствами и служащее основанием для рассмотрения дела судом. Также предлагаем в статью 5 УПК РФ добавить понятие поддержания обвинения, определив его как действия обвинителя в суде, направленные на доказывание предъявленного обвинения и опровержение доводов защиты.

Привлечение лица в качестве обвиняемого – властное решение производящего расследование лица о достаточности доказательств для инкриминирования конкретному лицу совершения определенного общественно-опасного деяния путем формулировки существа обвинения, содержащей описание обстоятельств, подлежащих доказыванию и квалификацию содеянного.

Это решение имеет важное значение для каждой из сторон и для всего судопроизводства в целом.

Единственное основание привлечения лица в качестве обвиняемого – наличие достаточных доказательств совершения конкретным лицом расследуемого деяния.

Основные сложности возникают при определении достаточности, поэтому существует необходимость разработки единого понятия достаточности доказательств. Полагаем, что она представляет собой совокупность собранных по делу доказательств, обеспечивающую

установление всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания и обеспечивающих возможность правильной квалификации содеянного, при отсутствии обстоятельств, препятствующих привлечению лица в качестве обвиняемого.

Постановление о привлечении в качестве обвиняемого должно соответствовать всем требованиям. Этот документ состоит из вводной, описательной и заключительной частей, в которых обязательно должны быть указаны обстоятельства совершенного преступления и квалификация деяния. Несоответствие постановления этим требованиям ведет к его признанию незаконным, поэтому к составлению такого документа следует подходить с особой внимательностью.

Допрос обвиняемого является обязательным следственным действием, которое проводится сразу после предъявления ему постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Он проводится с учетом требований статей 186 и 173 УПК РФ, а если обвиняемый является несовершеннолетним, то в соответствии с требованиями статьи 425 УПК РФ.

В случае, если обвиняемый заявляет, что хочет давать показания на другом языке, ему должен быть предоставлен переводчик, однако это не всегда возможно в кратчайшие сроки.

Чтобы избежать нарушения требования о немедленном допросе обвиняемого, предлагаем дополнить статью 173 УПК РФ новой частью 2.1: «Если обвиняемый заявляет, что желает давать показания на другом языке, следователь вправе отложить допрос до назначения переводчика, но не более чем на пять суток».

При составлении постановления о привлечении в качестве обвиняемого часто допускаются ошибки. Основным негативным последствием таких ошибок является возвращение судом уголовного дела прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению.

Поскольку прокурор не имеет полномочий изменить обвинение, вынеся новое постановление о привлечении в качестве обвиняемого, он вынужден

возвращать дело для проведения дополнительного следствия. Это, увеличивает сроки уголовного судопроизводства.

Полагаем, что, когда ошибки в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого являются техническими, легко устранимыми путем уточнения определенных данных, что не влияет на объем обвинения, нецелесообразно применение длительной процедуры возвращения уголовного дела для дополнительного расследования.

Целесообразным было бы предоставить прокурору, поддерживающему обвинение в суде, выносить постановление об устранении ошибок в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого.

Также следует предусмотреть обязательное согласование постановления о привлечении в качестве обвиняемого руководителем следственного органа, как это предусмотрено для обвинительного заключения.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Азаренок Н.В. Определение понятия «назначение уголовного судопроизводства» в уголовно-процессуальной науке // Судебная власть и уголовный процесс. 2020. № 1. С. 31-36.
2. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Саратовского областного суда от 01 марта 2016 года по делу № 22-542016. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 11.02.2024).
3. Апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Саратовского областного суда от 16 февраля 2014 года по делу № 22-364/2016. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 11.02.2024).
4. Апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Тыва от 21 января 2016 года по делу № 22-37/2016. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 11.02.2024).
5. Белогурова Е.А., Чеботарева И.Н. Обвиняемый в уголовном процессе: современные подходы к определению понятия // Интернаука. 2019. № 45-2 (127). С. 18-19.
6. Белявская А.Л., Смирнова А.Д. Участие педагога и психолога в уголовном процессе: проблемы законодательного регулирования // Студенческий форум. 2023. № 20-3 (243). С. 22-24.
7. Бикметова А.Ф. Статус обвиняемого в уголовном процессе Российской Федерации // В сборнике: Юриспруденция в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2019. С. 6-9.
8. Божьев В.П., Гаврилов Б.Я. Уголовный процесс. Учебник для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2019. 490 с.
9. Бояринцев А.Н. Особенности привлечения лица в качестве обвиняемого // В сборнике: Актуальные проблемы расследования преступлений. Материалы Всероссийской научной конференции памяти И.Ф. Герасимова. Екатеринбург, 2020. С. 40-47.

10. Валишина Г.Ф. Особенности участия переводчика в уголовном процессе // Юридические науки, правовое государство и современное законодательство. Сборник статей VII Международной научно-практической конференции. М., 2019. С. 135-137.

11. Владимирова А.С., Ильницкая Л.И. К вопросу об основаниях привлечения лица в качестве обвиняемого // Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник статей по материалам 73-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2017 год. Краснодар, 2018. С. 1008-1011.

12. Волчецкая Т. С., Петров И. В. Предъявление обвинения в уголовном процессе: архаизм или насущная необходимость? // Современное право. 2011. № 12. С. 89-93.

13. Гаджирамазанова П. К., Гасангусейнов А. З. О сущности и значении постановления о привлечении в качестве обвиняемого // Закон и право. 2022. № 3. С. 153-155.

14. Гильманова А.И. Содержание постановления о привлечении в качестве обвиняемого // Перо науки. 2020. № 28. С. 60-62.

15. Гришко С.В. Проблемы понятийного аппарата института привлечения в качестве обвиняемого // Молодой ученый: вызовы и перспективы. Сборник статей по материалам XXV международной научно-практической конференции. М., 2016. С. 149-154.

16. Енин А. Е. Понятие обвиняемого в современном уголовном процессе // Молодой ученый. 2020. № 18 (308). С. 256-257.

17. Кobleва М.М. Понятие обвиняемого в российском уголовном процессе // В сборнике: Актуальные направления фундаментальных и прикладных исследований. Материалы XVIII международной научно-практической конференции. М., 2019. С. 97-104.

18. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе

общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

19. Лавдаренко Л.И., Плеснева Л.П. О значении акта привлечения лица в качестве обвиняемого // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 189-197.

20. Лаврентьев М.А. К вопросу об основаниях привлечения лица в качестве обвиняемого // Трибуна ученого. 2020. № 2. С. 1-4.

21. Мамаев Ж.М. Значение акта для привлечения лица в качестве обвиняемого // Государственная служба и кадры. 2020. № 2. С. 157-159.

22. Мелихова Е.А. Понятие обвиняемого и особенности его правового положения в уголовном судопроизводстве // Вестник магистратуры. 2020. № 1-2 (100). С. 56-58.

23. Миликова А.В. К вопросу о признаках уголовно-процессуальных актов органов предварительного следствия // В сборнике: Развитие юридической науки и проблема преодоления пробелов в праве. Сборник научных статей по итогам работы седьмого международного круглого стола. М., 2019. С. 44-45.

24. Миликова А.В. Требования, предъявляемые к уголовно-процессуальным актам резолютивного характера органов предварительного следствия// Юрист-Правоведъ. 2019. № 3 (90). С. 78-82.

25. Миликова А.В. Уголовно-процессуальные акты органов предварительного следствия. Дисс...канд. юрид. наук. Волгоград, 2020. 215 с.

26. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 05.06.2007 № 87 (последняя редакция) (ред. от 22.12.2014). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_38313/ (дата обращения: 19.09.2024).

27. Омарова М.Р. Проблемы предъявления обвинения в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы уголовного и гражданского

судопроизводства. ГИБДД и иные правоохранительные органы как субъекты правоприменения. Орел, 2016. С. 159-164.

28. Омарова М.Р., Семенов Е.А. Современное состояние института предъявления обвинения в российском уголовном процессе // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 3 (32). С. 107-112.

29. Павленко А.Ф., Гурова К.В. Особенности допроса несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) // В сборнике: Актуальные вопросы науки и практики полиции и иных служб органов внутренних дел. Сборник статей межведомственной научно-практической конференции. Астрахань, 2018. С. 39-45.

30. Пимонов В.Б. Обеспечение права подозреваемого (обвиняемого) на использование помощи переводчика // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 1 (43). С. 31-38.

31. Погоский А.И. Обвинение: понятие, сущность, виды и формы в российском уголовном процессе // Вопросы российской юстиции. 2023. № 24. С. 389-397.

32. Постановление Президиума Московского областного суда от 26 декабря 2018 года по делу № 44 у-272/2018 по делу № 1-128/2018. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 11.02.2024).

33. Постановление Центрального районного суда г. Тольятти от 15 сентября 2021 года по делу № 1-199/2021 // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 11.02.2024).

34. Приговор Автозаводского районного суда г. Тольятти от 10 ноября 2020 года по делу № 1-113/2020 URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 06.01.2024).

35. Приговор Автозаводского районного суда г. Тольятти от 18 апреля 2022 года по делу № 1-43/2022 URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 06.01.2024).

36. Приговор Комсомольского районного суда г. Тольятти от 11 сентября 2020 года по делу № 1-97/2020 URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 05.02.2024).

37. Приговор Комсомольского районного суда г. Тольятти от 22 июня 2023 года по делу № 1-65/2023 URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 05.02.2024).

38. Приговор Комсомольского районного суда г. Тольятти от 23 июля 2020 года по делу № 1-74/2020 URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 06.01.2024).

39. Приговор Центрального районного суда г. Тольятти от 06 февраля 2023 года по делу № 1-21/2023 URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 06.01.2024).

40. Приговор Центрального районного суда г. Тольятти от 12 октября 2020 года по делу № 1-113/2020 URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 06.01.2024).

41. Приговор Центрального районного суда г. Тольятти от 16 марта 2022 года по делу № 1-35/2022 URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 06.01.2024).

42. Приговор Центрального районного суда г. Тольятти от 28 октября 2020 года по делу №1-118/2020 URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 05.02.2024).

43. Прокопенко М.Е., Озерная А.А. Государственное обвинение в уголовном процессе РФ: понятие, характер, значение // В сборнике: Молодежь и наука: шаг к успеху. Сборник научных статей 4-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок молодых ученых. В 5-ти томах. 2020. С. 268-269.

44. Проскура Е.В. Проблемы обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту // Академия педагогических идей Новация. Серия: Студенческий научный вестник. 2020. № 12. АРТ 133-эл. 0,1 п.л. С. 1-5. URL: <http://akademnova.ru/page/875550> (дата обращения 06.01.2024).

45. Ратникова А.О. Понятие обвиняемого и особенности его правового положения в уголовном судопроизводстве // В сборнике: Молодежь и общество: проблемы и перспективы развития. Материалы XIII Международной научно-практической конференции студентов, магистров и аспирантов. Ярославль, 2023. С. 232-236.

46. Рахматуллин С.В. Оценка достаточности доказательств для привлечения лица в качестве обвиняемого // В сборнике: Студенческая наука: актуальные вопросы, достижения и инновации. сборник статей V Международной научно-практической конференции. Пенза, 2021. С. 213-216.

47. Ротар А.И. Привлечение лица в качестве обвиняемого: процессуальный порядок и значение // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2021. № 36. С. 33-40.

48. Рыжаков А.П. Обвиняемый: понятие, права и обязанности. М.: Изд-во «Дело и Сервис». 2013. 176 с.

49. Свиридова Ю.В. Применение особого порядка судебного разбирательства. М. : Эксмо, 2019. 516 с.

50. Святкина Е.Е. Вопросы привлечения лица в качестве обвиняемого // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. 2016. № 2-1 (63). С. 191-193.

51. Стукалин В.Б. Понятие обвиняемого в УПК РФ // В сборнике: Проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства. сборник статей по материалам ежегодной международной научно-практической конференции: в 3 томах. 2016. С. 357-360.

52. Уголовно-процессуальное право : учебник и практикум для среднего профессионального образования / В.И. Качалов; под общей редакцией В.А. Давыдова, В.В. Ершова. - М. : Издательство Юрайт, 2019. 614 с.

53. Уголовно-процессуальные акты. Учебное пособие. Коллектив авторов: Астафьев Ю.В., Стародубова Г.В., Малахова Л.И., Астафьев А.Ю., Кузнецов А.Н., Баева К.М., Моргачева Л.А., Панько Н.К., Сыщиков И.С. М., 2020. 489 с.

54. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // Ведомости Федерального Собрания РФ. 2002. 01 июня. № 1. ст. 1.

55. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 № 25. Ст. 2954.

56. Уголовный процесс: учебник для вузов / под редакцией А. А. Усачева. - 5-е изд., перераб. и доп. - М. : Издательство Юрайт, 2023. 712 с.

57. Уголовный процесс: учебник для вузов / под редакцией В.П. Божьева, Б.Я. Гаврилова. - 8-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2023. 724 с.

58. Усеева Д.К. Актуальные проблемы института привлечения лица в качестве обвиняемого // Экономика и социум. 2022. № 3-2 (94). С. 885-892.

59. Хакунов А.М., Напсоков А. Р. Особенности допроса обвиняемого после предъявления обвинения // Евразийский юридический журнал. 2021. № 2 (153). С. 314-315.

60. Харзинова В.М. Понятие обвинения в материальном и процессуальном смыслах // Проблемы в российском законодательстве. 2019. № 3. С. 169-170.

61. Шаповал А.Б. Права подозреваемого, обвиняемого на стадии предварительного расследования // Адвокатская практика. 2021. № 6. С. 36-41.

62. Alexandru Marian. Complaints against Measures and Acts of Criminal Prosecution // Ovidius University Annals: Economic Sciences Series, 2016, Jan. P. 19-23.

63. Alkon Cynthia, Schneider Andrea Kupfer. How to be a Better Plea Bargainer // Washington University Journal of Law & Policy, 2021, Sep. P. 39-44.

64. Brissette Emily Bad subjects: Epistemic violence at arraignment // View all authors and affiliations. 2018 Volume 24, Issue 2. P. 21-25.

65. Feld Stuart J. Criminal Law - Right to Counsel - Custodial Criminal Defendant May Not Waive Right to Counsel in the Absence of His Court-Appointed Attorney // Fordham Urban Law Journal, 2017, Sep. P. 52-55.

66. Gross John P. The Right To Counsel But Not The Presence of Counsel: A Survey of State Criminal Procedures For Pre-Trial Release // Florida Law Review, 2018, Mar. P. 48-52.